

P2
K20

Вадим Каплин

Журавли
над Бобришным
угором

54349

ВОЛОГДА
2008

43	Никольская ЦБС Вологодской области
----	---------------------------------------

В. Н. Каплин

Журавли над Бобришным угором - Вологда, 2008. - 116 с.

В книгу «Журавли над Бобришным угором» вошли воспоминания об известном писателе России А.Я. Яшине 95-летний юбилей со дня рождения которого отмечается 27 марта 2008 года.

Очерки и зарисовки «Одержимость», «Все живое похоже на живое», «У заветного омута», «Ложка льняного масла», «Медведя мы не убили» написаны в соавторстве с журналистом Г.И. Мокиным.

Раздел «Поле на холме» открывается зарисовкой «У костерка на Кубенском». В ней рассказывается о нашем замечательном земляке - знаменитом авиаконструкторе Сергее Владимировиче Ильюшине, о его поездках на родину, дружбе с простыми людьми, увлечении охотой, о понимании им красоты чудесного мира природы нашего Севера. Отдых в родных сердцу местах так необходим был создателю самолетов. И кто знает, может быть, здесь, у костерка на берегу Кубенского озера, в родных местах у Сергея Владимировича зародилась мысль о новом «ИЛе», еще более современной и нужной тогда машине, мысль, которую авиаконструктор и воплотил в жизнь.

Герой очерка «Поле на холме» крестьянин Иван Алексеевич Сакулин тоже делал очень важное и нужное дело - выращивал хлеб на земле. Подстать ему и другие герои охотничьих рассказов - люди бывалые, одухотворенные и одержимые в любом деле. Всех их объединяет великая любовь к своему Отечеству, труду, готовность помочь другим.

© **В. Н. Каплин, 2008**

© **Оформление К. Н. Уваров**

СВОЯ ЗЕМЛЯ

«Жизнь моя и поныне целиком зависит от того, как складывается жизнь моей деревни. Трудно моим землякам — и мне трудно. Хорошо у них идут дела — и мне легко живется и пишется».

А. Я. ЯШИН,
«Угощаю рябиной», 1965 г.

Скитания по вологодским лесам, охота, рыбалка. Азартен и неутомим был Александр Яковлевич Яшин. Высокий, широкоплечий, он шумно пробирался сквозь ельники, но умел и ходить неслышно, зоревать на озерах, поджидать медведя на лабазах. Во всякую охотничью или рыболовную затею он вносил задор и мудрый расчет. Не огорчался неудачей (всякое бывает!) и умел по-детски радоваться удачному выстрелу или красивой подсечке крупной рыбы. Много было совместных походов и вылазок, удач и неудач, досадных промахов и сладостных ощущений добычи. А чего стоит добрый глоток лесного, настоящего на хвое, воздуха, приятная усталость, когда гудят ноги и плечи! Живителен чай с брошенным в кружку смородиновым листочком. Запах чуть пригоревшей каши, аромат свежей ухи, в которой еще рыба «хвостом бьет». Отдых или ночевка у костра располагали к долгим неторопливым беседам. Открывалась душа. Теснились воспоминания, а с ними и самое заветное...

Одержимость

... Архангельск. Тридцатые годы. В двух тесных, прокуренных комнатах местного отделения Союза писателей шумно и оживлённо. Литературные споры, дружеский разбор новых стихов и рассказов, обмен новостями. Александр Яшин в пестрядинной деревенской рубашке, в гетрах, по моде тех годов, был непременным участником жарких литературных боёв, но явно предпочитал им спокойную задушевную беседу о поэзии. Он затаскивал кого-нибудь из присутствующих на клеёнчатый диван и вынимал заветную тетрадку со стихами, читал и пытливо вглядывался в глаза собеседника.

- Ну как? - и ждал нелицеприятного ответа.

Он не терпел увиливания, дружеской снисходительности. Морщился, как от зубной боли, когда, не подумав как следует, цедили обкатанные, подобные булыжнику слова или неискренне подбадривали: тетрадка захлопывалась, разговор кончался. И другое дело, когда собеседник отзывался поэту сопереживанием, улавливал в стихотворении зерно чистой поэзии.

В таких случаях Александр Яшин как бы озарялся внутренним светом, хотя в словах оставался сдержан. И дотошно расспрашивал: а вот чем понравилась эта строка, эта метафора? И тогда, в стихах тех лет, сквозила забота о «глубине вспашки», о заострённости формы. Можно было удивляться его плодовитости, но он умел безжалостно отбрасывать неудавшееся, несовершенное. И вот уже значительно позднее довелось узнать о его работе над стихами ещё в школьные времена. Оказывается, он уже тогда носился с тетрадями, полными стихов, и его даже прозвали «рыжим Пушкиным». Его преданность поэзии была безгранична.

Литераторы Архангельска, помнится, были чрезвычайно обрадованы выходом в свет первого номера журнала «Звезда Севера».

- Вы понимаете, что это значит? - взволнованно говорил Александр Яковлевич. - Печатный орган поможет теснее сплотить нашу литературную молодёжь, полнее выявить таланты.

Стихи Александра Яшина - а они часто печатались в журна-

ле - вызывали уважение серьёзной разработкой темы, подкупали упорным стремлением к совершенству формы. И тогда он уже умело находил интересные темы, определяя их гражданственную сердцевину, - его волновали коренные перемены в жизни деревни.

В те годы в Архангельске работали Сергей Николаевич Марков, Константин Иванович Коничев, Владимир Иванович Жилкин, Евгений (тогда ещё Женя) Коковин, такие колоритные фигуры как Степан Писахов, Пэля Пунух, Георгий Суфтин. В общении с ними проходило мужание поэта. Интересно было слушать словесные состязания К. И. Коничева с Александром Яковлевичем, как говорится, на предмет знания северного фольклора. Они, уроженцы разных мест Вологодской области, отстаивали каждый своё, родное.

- Я - певец Кубеноозерья, - обычно шутливо возглашал Константин Иванович.

- А я - патриот Юг-реки, - тоже шутливо, положив кулак на грудь, отвечал Александр Яковлевич.

Заговоры от всякой хвори и причитания, бухтины и частушки-побрехушки... В спорах искрился подлинный народный юмор, определялась золотая цена меткого и точного народного слова. К чести Яшина, надо сказать, он не уступал в знании крестьянских обычаев, народного языка старшему по годам и умудрённому жизненным опытом Константину Ивановичу.

- А вот послушай, какие на Никольщине послания к лешему бывали, в расщеп дерева вкладывались, - и Яшин сыпал из веков изустно дошедшими заклинаниями, обращениями к мифическим существам, ко всякой лесной нечисти.

Многое знал поэт из обихода ведунов, знахарей, бабок-причитальниц, знал сотни песен, сказаний, прибауток. Всё это помогло ему в работе над стихами.

Не погрешив против истины, можно сказать, что поэт проделывал огромную работу над строкой. Познакомьтесь с рабочими тетрадами поэта, которые мы имели счастье видеть у его вдовы Златы Константиновны. Терпеливая работа над поворотом темы, связкой между строфами, усилия гранильщика и шлифовальщика над эпитетом, рифмой. Иногда какой-то всплеск озарения, новая грань, прямо-таки ошеломляет ослепительной ясностью поэтического видения.

Литературный молодняк Архангельска всегда удивляла и пора-

жала одержимость Александра Яшина поэзией, его серьёзность, взыскательность, ответственность в работе над словом, строкой, над образом. Четыре молодых архангельских поэта выпустили сборник стихов «Беломорье». Много в нём было незрелых, недоработанных и явно «несостоявшихся» стихотворений. Интересно было послушать мнение Яшина, которое он высказал, как всегда, категорично, конечно, перед этим основательно проштудировав стихи сверстников, собранные «под одной крышей».

- Черти, мало поработали! Безответственно. А могли бы! - он пальцем тыкал в удачные стихи Владимира Мусикова и Стефана Нелзвецкого.

Молодые поэты вздыхали. Но, удивительно, - перечить не смели: авторитет Яшина был уже и тогда высок. Ему завидовали, некоторые опасались справедливого, но острого слова-отзыва. Были и недоброжелатели:

- Что он тут со своей коллективизацией вечно тычется? Или про Василия Мусинского заладил...

Александр Яковлевич, прослышав про такого рода суждения, лишь сожалеючи суживал глаза. Он-то, тогда газетчик и начинающий поэт, хорошо понимал огромность темы: зрело осмысливал значение почина знатного лесопильщика Мусинского, имя которого, кстати, носил один из лесопромышленных комбинатов Вологодской области.

- Я таким отвечаю просто, - говаривал Александр Яшин. - Чиркайте, как хотите, а я по-мужицки, основательно... Я поставлен как плуг в борозду...

И «широкоскулое упорство Саши Яшина», как сказал о нём один поэт, светилось в его глазах. И часами мог он говорить о делах родного колхоза и района, и чувствовалось, как близко принимает всё это к сердцу, а сердце у него широкое, умное. Он смотрел на всё глубоко и судил здраво, и до всего ему было дело, ничто не оставляло его равнодушным.

У заветного омута

*Пойдем пешком
Тропинкою лесной
К живой воде,
К былинному ручью*
А. ЯШИН

Давно мы собирались заманить Яшина в глухомань кемских лесов. На этот раз Александр Яковлевич сказал: «Едем!»

- Приехал погостить, а сам дома не ведешься, - вздохнула его мама Евдокия Григорьевна, хлопоча возле печки.

А сын уже налаживал удочку, проверял патроны. На сборы ушло часа два. Завечерело.

А тут ливень обрушился на землю, забарабанил по крыше дождь, и потекли по стеклам чистые, незамутненные струйки воды.

Но от поездки мы не отказались. К утру дождь выдохся, и мы двинулись в путь. Часа через три добрались до села Никольское, что километрах в семидесяти от райцентра.

Надеялись порыбачить в омуте на Лундонге. Один из нас недавно облюбовал его - уж очень удачной была рыбалка. Но как пройти к омуту ближним, кратчайшим путем? Можно было бы продвигаться берегом реки, но тогда нам пришлось бы отмерять добрый десяток километров. Лундонга петляет, делает повороты-хоботы, как называют кемляки речные излучины. Ни колхозный бригадир Иван Андреевич, ни знакомый лесник так и не смогли толком рассказать, как нам напрямик добраться до заветного местечка.

От села Никольское километров шесть ехали на «газике», который отлично вел Юра. Тогда он работал в далеком чукотском городе Певек на «КРАЗе». В отпуск приезжал на родину. Проселочная дорога вывела нас на пожню, уперлась в ельник. Дальше уходила в лес лишь узенькая тропка. Мы еще раз проверили свои рюкзаки. С собой взяли самое необходимое: продукты, топорик, резиновую лодку, удочки, а Александр Яковлевич и ружье. Пока собирались, прошло добрых полчаса. Наконец двинулись в путь. Идти было нелегко: за плечами увесистые вещмешки, одежда. Тропинка вывела на прямую, как стрела, просеку. Ориентируясь

по солнцу, я чувствовал, что идем правильно. Вокруг разукрашенные осенью деревья. Дремучие леса распростерлись на многие километры.

Минут через сорок мы вышли на заросший берег Лундонги. Продвигаться здесь было труднее. Едва заметную тропку преграждали когтистые сучья валежника, полусгнившие и почерневшие кусты ольшаника, заросли ивняка и молодых лип, черемушник. На мочажинке из-под ног вырвался вальдшнеп. Ожиревшая птица долго и тяжело поднималась вверх, потом мелькнула среди желтых ветвей березки. Вальдшнеп улетел, а наш охотник продолжал держать ружье у плеча. Вот досада! Привык он к своему «зауэру», забыл, что у племянника, тракториста Васи, ружье курковое и, прежде чем стрелять, курки взвести надобно.

- Эх, упустил, - досадовал Александр Яковлевич. Но досада у него быстро прошла.

- Добыча - это попутное. А в лесах, да еще кемских, лишний раз побывать, это считай за великую удачу, счастье.

Счастье, назначение человека на земле - излюбленная тема поэта. Но, конечно, не решать же ее скороговоркой по пути, скажем, к грибным местам или утиному озерку. Тут он отходил народными изречениями, присказками, часто очень меткими. Лучшее всего о долге, о счастье человека сказано в его стихах.

Вдруг к Александру Яковлевичу привязались строчки собственные, и он их бубнил на ходу:

Еще сильнее год от года

Потребность в жертвенной любви.

Жертвенная любовь. Так понимал он счастье. Любить - отдавать себя, делать добро.

Под обаянием этих строк вспоминалось, что поэт не только призывал спешить делать добрые дела. Он их делал, и немало. Он был добр и очень строг к себе. Добр к людям прежде всего своим творчеством. Вспоминая «малые дела» для «своей» области, для «своего» района, «своего» колхоза. Скажем, электричество, радио... Вот он хлопчет о назначении пенсии старушке из Блуднова, о квартире для череповецкой экскаваторщицы. Помогает направить на учёбу мальчишку из соседней деревни. В письме Яшина к другу есть такие строки: «... речь идет о спасении человека». И просит принять участие, требует... Колхозник сельхозартели «Родина» Николай Васильевич Горчаков вспоминал: «Какой душевный человек был, сколько добра сделал!»

Все это, разумеется, штрихи, но они помогают воссоздавать облик человека высокого благородства.

... Наконец мы добрались до Шадрихи. Местечко приметное.

Река там круто поворачивает, а у правого бережка - островок. Ивнячком зарос да пыреем по пояс. А река глубокая, заросшая хвощом, рдестом, кубышками, тихая, таинственная. Какие чудные места!..

А кто знает, кто обитает в этом глубоком омуте. Поймали же мы однажды в нем щуку весом 13 килограммов 700 граммов! Александр Яковлевич пристроился на песчаном мыске, снасть закинул. Казалось, что и на этот раз здесь можно отвести рыбацкую душу. Может, подфартит?

Хотя и не терпелось взять в руки спиннинг, поначалу мы дровишек наладили. Натюкали сушняку, сваленную ветром березу в обхват на кряжи разрубили. Знали, что такое осенняя ночь на реке.

Вечерняя зорька зажглась на небосводе. Глядел я на омуток и диву давался: ни одного всплеска, тишь да гладь. А неделю назад воду рябило: так возились подъязки.

Яшин уже, наверное, сменил десятое место.

А мы принялись хлестать блеснами по воде. За весь вечер, пока не загустели сумерки, Юре удалось выманить из-под круг-

А.Я. Яшин на рыбалке. Фото В. Каплина

лых, как блины, листов водяных кувшинок одну щучку граммов на восемьсот. Александр Яковлевич принес трех окунишек. И все-таки мы сварили добрую уху, с которой расправились через пятнадцать минут. Как отведали ее, даже гость заулыбался.

Взошла луна - полная и светлая. Зажглись далекие звезды. Тишина. Только шумливые осинки, то одна, то другая лопотали, перешептывались о чем-то. Юра много и долго рассказывал нам о Чукотке, о чукчах, о своих друзьях-товарищах. Речь зашла о людях сложной и трудной судьбы.

- Как еще понимать ее, эту самую судьбу, - задумчиво произнес Яшин. - Иной страдает от ожирения. Чехов еще об этом говорил. Страдают от потворства к себе, от лени, своекорыстия. А иной мучается совсем по другому поводу. Это, я бы сказал, прежде всего повышенная ответственность за все, что происходит во всей нелегкой жизни нашей. Так-то...

Относил ли он эти слова к себе? Думалось, безусловно, относил. То, что он говорил читателю, было выстрадано им. Мы-то знали, какие у него были беды и трагические утраты. Но только ли это подчас давило ему на душу? Нет. С каким трудом иногда ему приходилось доказывать очевидные истины, бороться за правоту, правду. И, несмотря на потери и утраты, часто травмы, не говоря уже о болезненных уколах самолюбия (а он был очень раним), Александр Яковлевич оставался мужественным и гордым человеком. Он не только не сломился, выстоял, но, исполненный величайшей веры в торжество правды, продолжал писать стихи, которые становились все нежнее и человечнее.

Об этом думалось у тихо угасающего костра. Юра быстро уснул. Яшин то и дело ворочался, подвигая спину к самому огню. Утречком Александр Яковлевич вскочил, его усы белели от инея, а на плече сзади зияли три дыры.

- Вот это рыбалка, - сказал он, протягивая к костру руки. Через минуту-другую рыболов преобразился. Он согрелся у костра, и на душе стало веселее:

Мы поняли, почему не клевала рыба: погода менялась на глазах, обещая быть ненастной. Мы даже на себе ощущали, как то падает, то поднимается атмосферное давление. Да и ветерок тянул с востока. Бывалые рыболовы говорят, что в такую непогоду рыбешка выскакивает даже из ухи.

Чуть позже Александр Яковлевич причалил на плотике к упавшему в воду дереву. Но опять не клевало. Не рыбалка - одна

морока. Выручил Юра. Он предложил поудить хариусов на перекате.

Едва рыболов забросил леску, и торопливая струя подхватила поплавок, как последовала поклевка. За ней вторая, третья... Хариусы налетали на червяка, как метеоры. В воздухе то и дело мелькало серебро. Такая вот рыба хариус. Ему и давление не помеха.

Ложка льняного масла

«Спасибо, Вадим, и за масло льняное, и за варенье. И не только от меня, а от всех, кто здесь навалился на твои дары. Льняное масло оказалось для всех дивным дивом, редкостью и всем напоминало детство, юность... Сейчас - льняное масло воспринимается как пережиток капитализма (конечно, прогнившего насквозь!)...»

Так писал Яшин из вологодской больницы в январе 1967 года. Замечу кстати, что льняное масло я послал не случайно. Исстари оно считалось лечебным. Сейчас это подтверждено научными исследованиями. У нас льняное масло найти непросто, поэтому больные пытаются достать хотя бы льняное семя. Из него готовят лечебный отвар.

Вспомнилось, как нам с Александром Яковлевичем довелось побывать на небольшой деревенской маслобойке. Заводик (его так можно назвать с большой условностью) ютился в ветхом, довоенных времён помещении. И оборудование в нём было стародедовское, сделанное умелыми крестьянскими руками.

Здесь встретились с Иваном Павловичем Сорокиным. Ему уже давно перевалило за семьдесят, но бывший кузнец не чурался никакой работы. Открытое, испещренное сеткой морщин лицо крестьянина светилось улыбкой. В помещении топилась печь-жаровня, вкусно пахло поджаренным льняным семенем и дымком. Александр Яковлевич попросил рассказать о приготовлении масла.

- Как масло готовим? - повторил вопрос Иван Павлович. - Очень просто, хотя дело хлопотное. Поначалу семя подсушиваем на печке. Высохнет, пускаем под камень. Камень - тот же жернов.

При помощи специального устройства он вращается по кругу, измельчает льносемя. Раньше для этого использовалась сила падающей воды или лошади. Позднее - электромотор. Размолотое семя просеиваем на решете, засыпаем в кадку-мешалку. Сюда же добавляем два-три ковша крутого кипятка. Содержимое в кадке тщательно перемешиваем и закладываем в металлическую коробку. Коробку ставим в печь-духовку. Размолотое влажное семя приобретает в печи приятный запах.

Прямо из духовки коробка, закрытая сверху чистым холстом, ставится под пресс - толстое, в два обхвата, гладко выструганное бревно, которое давит не только силой своей тяжести, но и посредством деревянного винта, сделанного из берёзового кряжа. Винт закручивается при помощи простейших рычагов. Всё устройство сделано топором Михаила Тимофеевича Берсенева. Его давно уже нет в живых, а пресс служит и служит.

Иван Павлович поставил коробку под бревно и вместе с парником постепенно стал затягивать винт. Туго зажатое бревно потрескивало.

-Течёт? - спросил своего помощника.

-Ручейком бежит, - отозвался тот.

Капля за каплей, литр за литром накапливалось в специальной посудине чудесное льняное масло - диво дивное. Его не сравнить ни с каким другим. Налейте в квашеную капусту, солёные грибы, овсяный кисель только одну ложку льняного масла, и вы поверите, что это действительно диво. О льняном масле нельзя рассказать, трудно описать его вкус. Его надо попробовать.

Увы! Такую возможность имеют немногие. Этот давний, искони русский промысел, как и многие другие, оказался незаслуженно забытым. У нас, в Никольском районе, льняное масло лишь изредка в небольших количествах производили, да и то лет пятнадцать назад, в двух-трёх хозяйствах.

- А знаете, что, кроме всего прочего, из льняного масла можно изготовить лучшую по качеству натуральную олифу, - сказал вдруг Александр Яковлевич. - Льняной жмых - отличный корм для скота. Специалисты утверждают, что одна тонна жмыха заменяет несколько тонн качественного сена. Вот толкуют: возродить на земле вологодской народные промыслы. Не забыть бы и о льняном масле. Да не примитивным стародедовским способом производить, а на промышленной основе. Право, стоящее дело!

Вот откуда у А. Я. Яшина дотошное знание бытового уклада и

грудовых навыков северного крестьянина в его стихах и прозе. И азарт узнавания, и стремление обратить знания в действие не оставляли Яшина до конца дней.

«Все живое похоже на живое»

В разной обстановке, при разных обстоятельствах приходилось нам встречаться с Александром Яшиным. Он всегда был дружелюбен, словоохотлив, любил перекинуться шуткой.

В мае 1966 года мы наведались к Александру Яковлевичу на Бобришный угор. Домик не заперт, но хозяина не оказалось. На самодельном столике (кстати, смастерил его Василий Белов) лежали свежие газеты, томик Л.Н. Толстого, стоял транзистор. На стенах - трофеи, распяленные утиные крылья.

Александр Яковлевич пришёл через полчаса с букетом первых весенних цветов.

Сначала сидели на крылечке. Отсюда хорошо были видны под угором затопленный ивняк с жёлтыми барашками, воспрянувшая после долгой зимы река. Светил закат, пели птицы, пробовали голоса лягушки. Потом пошли в бор. Чистым он назван недаром: в нём, высокоствольном, прохладном, светлом, - именно ощущение чистоты, подобранности, свежести.

Затеплили небольшой костерок.

- Пламя сблизает людей, - заметил писатель, бросая в огонь сухие сучки. - Наверное, от первобытных людей пошло.

Настроенные на шутливую волну, мы предложили поэту дать нам небольшое интервью для районной газеты (совместив, так сказать, полезное с приятным). Он охотно согласился.

И мы начали шутливо-официально на первых порах, а потом...

Первый корреспондент: Как вы живёте и над чем трудитесь сейчас?

Поэт: На Бобришном угоре удивительно хорошо живётся и дышится. И пишется. Не случайно этому угору я посвятил книгу стихов «Босиком по земле». Именно здесь писались в основном стихи этого сборника.

Немало бродил я здесь босиком: и по межам, и по лугам, и по лесным тропинкам. В моей работе был тяжёлый и длительный

перерыв. Сейчас хорошее, творческое настроение. Очень хотелось, чтобы оно ничем не нарушалось и не омрачалось.

Второй корреспондент: И долго предполагаете здесь прожить?

Поэт: До тех пор, пока хорошо пишется. Не забыть бы, прошу передать землякам, что этот домик построен мной для работы и чтобы отношение к нему было всегда доброе.

Первый: Обязательно будем напоминать... А откуда вы, Александр Яковлевич, нагрянули сейчас к нам, в Никольск?

Поэт: Из Харовского района. Гостил у нашего талантливого прозаика Василия Белова. Приятно, что я в своё время находился у истоков его творческого пути, помогал ему. Когда вышла в свет первая книжка стихов В. Белова, я внимательно прочёл её и посоветовал заняться прозой. К моей радости, он внял моему совету. И, посмотрите, как он пошёл, как пошагал. Не всякий за ним теперь угонится. По моему мнению, Василий Белов может стать гордостью советской литературы. Прочитайте-ка его повесть «Привычное дело», это в «Севере» опубликовано...

Второй: Какие произведения выходят у вас в 1966 году?

Поэт: В «Советском писателе» выйдет однотомник прозы. Издательство «Советская Россия» выпускает сборник стихов. Намереваюсь в этом году написать книгу стихов об охоте.

Второй: Расскажите, кстати, как вы провели нынешний весенний охотничий сезон?

Поэт: Охота на пернатую дичь доставила огромное удовольствие. Меньше всего интересуют результаты. Главное быть наедине с природой, наблюдать, ощущать. Несколько ночей мёрз в шалаше на тетеревином току. Наблюдал петушиные бои косачей. Лесные куры садились прямо на шалаш. А вечера на тяге! Зори на утиных перелётах. Всё было... И охота удивительным образом освежает. Как хороший сон. Отвлекает от привычных дум, размышлений.

Первый: Мы видели у вас на столе томик Толстого...

Поэт: Толстого не просто читаю - изучаю. Спросите в районной библиотеке. Мои формуляры испещрены этим именем. Взялся за «Историю искусств»... Хо-орошие книги есть в нашей библиотеке! Не зря она носит имя одного из её основателей Григория Николаевича Потанина. Замечательный учёный и путешественник. Не так уж долго в Никольске в ссылке он был, а какой след оставил! Справедливы его слова, что наш уезд самый дикий и неграмотный в России. Так он от слов-то - к делу. Какую библио-

теку заложил! Вот так и надо поступать. Видишь зло, недостатки, неправду - ополчайся на них. Плечиком, плечиком! На других особенно не уповай, сам впрягайся в первую очередь! Становись в коренник, а пристяжные уж найдутся. Вот этому нас большие люди учат.

Второй: Мы только что прочитали «Босиком по земле». Очень понравились стихи «Спасибо солнцу», «Дорога в небо». Это, конечно, этапные стихи. И, конечно же, рассказ «Угощаю рябиной» в «Новом мире». Слышали, что он переведён на английский, французский, японский, испанский и другие языки. Перепечатан журналом «Семья и школа». Инсценировка этого рассказа передана по центральному телевидению. Как вы сами оцениваете это произведение?

Поэт: Гм...трудное дело. Он многопланов... Действительно, для меня какой-то этап, перевал что ли, с которого хорошо оглянуться и вперёд далеко смотрится. Вы сами хорошо его прочитали? Ещё прочитайте и поймёте, что он для меня значит. Так-то, друзья. Вот «Семью и школу», наверное, какая мысль подкупила: не будешь ухаживать за одомашненной рябиной, заботиться о ней - и запаршивеет дерево, ягоды станут мелкими, горькими. А уход - это не только хола, полив там, подкормка, но и такая операция, как подрезка гнилых и сухих сучьев. И от вредителей спасать весьма неприятными способами - окуриванием, опрыскиванием. Всё живое похоже на живое.

Александр Яковлевич неторопливо, тщательно затоптал костерок. И поднялся, высокий, широкоплечий...

В зелёных сумерках видно было, как мерцает весенняя Юг-река. Мы молча пошли за поэтом. Неожиданно Яшин обернулся...

Александр ЯШИН

ВАДИМУ КАПЛИНУ, МЕДВЕЖАТНИКУ

Вот опять поставила
На своём зима.
В шубах горностаевых
Ели
И дома.

Для меня по-прежнему
Дороги до слез
Эти дали снежные
И первач мороз.

Снег до переносицы,
До ушей,
До крыш.
Лишь позёмка носится
По полю без лыж.
Может, вспомним молодость,
Дорогой Вадим,
Где-нибудь за городом
Зайца подсидим?

А быть может,
В добрый час -
Ах, ещё бы раз! -
Старый бог потешит нас
И берлогу даст?

Пусть не очень важную,
Пусть совсем невидную,
Хоть малометражную,
Малогобаритную.

Встали б на медведя мы
Супротив чела,
Кто с ружьём,

Кто с ФЭДом бы -
Была не была.

Эх, кабы
Да кабы!
Снова б наши бабы
Пряли шерсть,
Варили щи
Из медвежьей лапы.

Ну а мы,
Мужчины,
Пили бы чин чином
И, хвалясь
И кочевряжась,
Гнули бы бухтины...

Сколько лет,
Сколько зим,
Дорогой Вадим!
Может, вспомним молодость,
Ружья зарядим?

54349

А.Я. Яшин с В.Каплиным на охоте

Великие тайнства

В творчестве А.Яшина тема родной природы занимает достойное место. Это и неудивительно. В русской литературе она всегда была значительна.

«Лирика, связанная с природой, у Александра Яшина - явление сложное, неоднозначное. Поэт сохранил от крестьянского детства естественность и непосредственность восприятия природы, умение жить и ладить с ней. Природа для него мастерская, но и храм - тоже. Возвышенность чувств, связанных с природой, могла родиться только на удалении, на расстоянии. А вернувшись к земле и природе с опытом, обогащенным социальным знанием и книжной культурой, поэт владеет и более тонким, развитым, многомерным восприятием», - пишет В.Оботуров в книге «Неповторимое как чудо» (очерк о творчестве Александра Яшина, Архангельск, 1978, СЗКИ).

*Не верю, что звери не говорят,
Что думать не могут певчие птицы,
Что только инстинкты у хитрой лисицы
И пчелы не знают, что творят...*

А.ЯШИН

Поэт убежден, что «братья наши меньшие», живущие рядом с нами, тоже по-своему умные существа (хотя очеловечивать их не следует - В.К.), их надо беречь, быть дружелюбными с ними. В унисон таким добрым чувствам писателя звучат стихотворения «Покормите птиц» (1964), «Голоса весны» (1964), «Бабочка ожила» (1961), «Беличьи свадьбы» (1964) и многие другие.

Весна с ее обновлением природы, пробуждением леса от зимней спячки, возвращением птиц на родину, их неумемным гомоном всегда была одним из любимых времен года писателя.

*Я даже сна лишился, я тоскую.
А это значит, что в родном краю,
В родных лесах тетерева токуют,
Медведь берлогу развалил свою.*

(«Весеннее», 1967)

Александр Яковлевич хорошо понимал природу, птичьи разговоры.

«Слышу голос птицы, а еще не вижу ее, - писал он в своем дневнике, - не вижу птицы, но уже могу писать о ней. А лучше «если увижу, пойму, почувствую больше, поговорю с ней».

- Вам приходилось видеть весной журавлей? - спросил я знатока - охотника с полувековым стажем, писателя А.В.Петухова. - Да, видел и не однажды, - ответил он.

Другой опытный охотник - вологжанин К.М. Советов пояснил так. Весной, насколько я знаю, журавли чаще всего летят небольшими стайками, даже парами. Когда птицы уже близки к своей родине, гнездовьям, они летят на «свои» болота, ориентируются по местности, особенно по церквям, которые далеко видно.

И все же как летят журавли да и другие перелетные птицы, не имея ни карт, ни компаса?

Ученые-орнитологи давно пришли к выводу, что птицы определяют направление по солнцу и звездам, имеют фиксированное чувство времени и фантастическую память, что помогает им запоминать картины ландшафта.

Однако весенние и осенние миграции пернатых до конца не познаны.

Конечно же, Александр Яковлевич был охотником. Охота - это тесное общение с лесом, лугами и водоемами, возможность по-

лучать удовольствие от радости познания, встречи с удивительным миром животных дикой природы.

Вот запись из дневника писателя. «14 апреля (1966 год). Сидел на току в собственном шалашике в летовище. Тетерева еще очень осторожны. Чуфыкают, воркуют, но на деревьях. Видимость тока, видимость драки - и улетели. Пошел лед. Льдины мелькают многоцветные, как в калейдоскопе».

Безусловно, на писателя оказал свое влияние тонкий и мудрый знаток природы М.М.Пришвин, с которым Александр Яковлевич жил в одном доме, встречался с ним, был близко знаком.

«Так я понимаю природу, - писал М.М.Пришвин, - как зеркало души человека: к зверю и птице, и траве, и облаку только человек дает свой образ и смысл».

«Были в детстве моем и праздники, и весна не одна, и не одна золотая осень. Много было всего. Были и свои журавли в небе», - так начинает А.Яшин свой этюд «Журавли».

В пору жатвы (и это очень правильно подмечено автором) журавли улетали на юг. И деревенские жители провожали птиц трогательно и сердечно, желая журавлям доброго пути и счастливого возвращения на родину.

Со временем в поэте охотничья страсть в смысле добычи трофея стала угасать, и он радуется тому, что сохранил жизнь пичуге или любому другому живому существу.

В стихотворении «Люблю все живое» Яшин пишет:

*Стрелял и коршуна и воробья,
Не разбираясь - друзья? враги?
А ныне
На ток хожу без ружья,
Катаюсь на озере без остроги.*

В.Песков - лауреат Ленинской премии, писатель, корреспондент газеты «Комсомольская правда», заметками о природе которого и сейчас зачитываются (Василий Михайлович много и интересно пишет об удивительных находках, о тайнах, загадках и красоте живого мира), очень давно ружье сменил на фотоаппарат.

«Что дала мне охота? Как это ни курьезно, охота научила любить ко всему живому. Но у каждого охотника бывали случаи, когда опускаешь ружье покоренный проявлением жизни в природе», - говорит В.Песков (Журнал «Охота и охотничье хозяйство», № 6, 2002 год, интервью Карины Соловьевой «Наш гость - Василий Песков»). Экологических проблем сейчас немало. Как сказал один умный человек:

«Становится все меньше окружающей природы, все больше окружающей среды».

А вот дневниковая запись Александра Яковлевича, сделанная 10 сентября 1967 года: «Бобришный угор я сейчас называю не только облюбванное с детства место в лесу над рекой, где теперь стоит мой охотничий дом, но и уже деревню Блудново, в которой я родился и вырос, и район, и город, где началась моя сознательная жизнь, и вообще Родину. Вся родина моя Бобришный угор. Поэзия - тоже он. Завершение моей жизни на Бобришном угоре».

Утром, в Лаврушинском

- Граждане пассажиры, наш поезд прибывает в столицу нашей родины, город-герой Москву, - донеслось из динамика. Меньше, чем через час я был в Лаврушинском переулке у Яшиных. Встреча с писателем, его семьей, чаепитие. Разговор до полуночи. Уже все отдыхали, но я уснуть не смог.

Подошел к окну. Отсюда, с девятого этажа, видно далеко-далеко... Кремля рубиновые звезды. Россыпи разноцветных огней. Свет неоновых ламп. Каждые четверть часа слышен бой часов на Спасской башне.

Над столицей занимается рассвет. Я уже различаю шкаф, желтую люстру у потолка, букет луговых цветов на столе, портрет Фредерика Шопена, висящие на стене гроздь рябины с пожухшими буроватыми листочками, бубенцы, прясницы со льном...

На диване крепко спит еще один гость, ленинградец, кажется, преподаватель какого-то вуза.

Встало солнышко. В окно вижу Спасскую башню, Дворец съездов, Бородинские ворота, гостиницу «Украина», Успенский собор, колокольню Ивана Великого, церковь Василия Блаженного, высотное здание на площади Восстания, трубы и здание Московской МАГЭС.

Куранты бьют четыре раза. Солнце поднимается все выше и выше. Оно уже заглянуло в «мое» окно. На улице каркает ворона. По стеклянной крыше «Третьяковки» важно вышагивают сизари. Охорашивается галка, чирикают воробьи.

Я знал, что в этом доме жил Пришвин. И, конечно, со своего балкона он не раз наблюдал, как над Москвой встает утро.

Воображение переносит меня в родные вологодские места. Давно встало и так же ярко светит солнце и в моем Никольске. А еще раньше его поднялась блудновская доярка Антонина Горчакова. У своего стального коня колдует тракторист из Козловки М.Н.Нестеров, и, конечно, давно встал беспокойный бригадир А.П. Коноплев.

Да! И Кремль, и собор Василия Блаженного, и воробьи на московских улицах, гроздь рябины и бубенцы в квартире писателя, и родные северные рощи с белокорыми березками - это наше Отечество, наша земля, наша Родина. А своя земля, гласит народная мудрость, и в горсти мила.

Вот почему известный русский писатель Куприн, много лет прожив за границей, возвратился в Россию, вот почему тоскует о ней каждый русский за рубежом, вот почему Ван Клиберн перенес с могилы Чайковского на могилу Рахманинова горстку нашей родной русской земли и посадил куст сирени.

Помнится, Василий Песков в статье «Отечество», которая была опубликована в «Комсомолке», рассказал о том, как впервые он

Земляки В.Кузин, В.Каплин, Ю.Карандашев. Служба в группе войск СА в Германской демократической республике. Потсдам. Апрель, 1953 г.

посетил Красную площадь. «...Было такое чувство, что я сделал что-то главное в жизни, - писал журналист. - Почему-то в тот раз больше всего запомнил стертые подошвами ступеньки по узенькой лестнице. А, может быть, это царапина от посоха Грозного?..»

У меня тоже в памяти воспоминания о первом посещении Красной площади. В октябре пятидесятого, находясь в армии, впервые побывал в Москве. Вместе с другом подзадержались на Красной площади, опоздали в часть и едва не схлопотали строгача. И только тогда, когда рассказали взводному, где мы были, он не дал взыскание.

Потом мне довелось несколько лет жить в ГДР, служить в группе советских войск.

Наше подразделение располагалось в одном из городов земли Мекленбург. В выходные дни мы ездили в лес. В нем было так чисто, словно в парке. Но этот ухоженный лес, без таежного бурелома, обомшелых елей, казался каким-то пустым, прилизанным. И невольно вспомнились слова из песни: «Поют не по-нашему птицы, цветы по-другому цветут...»

Часто к дому, где мы жили, приходили люди преклонного возраста. Они присаживались, подолгу беседовали с нами, расспрашивали о России. Это были русские эмигранты, так называемой первой волны. Прожив на чужбине десятки лет, они не могли забыть место, где родились. Прав В. Песков: «Солнце на земле одинаково светит для всех, но человеку с Родиной оно светит ярче».

Безголосые птицы

Весной, когда станут теплыми дни, когда залетают бабочки, в пору половодья прилетают к нам на север из южных стран кулички-турухтаны. Очень красивы петушки этих птиц в своем весеннем наряде. На шеях у них появились «воротнички», а на голове «ушки» из длинных перьев. Впрочем, воротник спереди прикрывает всю птицу. Каких только цветов не увидишь в весеннем наряде турухтана: белые и черные, рыжие и бурые, зеленоватые, коричневые, синие тона. А на носках петушков появляются зеленовато-желтые бородавчатые наросты. Ноги у этих птиц красновато-желтые.

Воротнички у петушков на следующий год отрастают того же цвета, что и были. И так в течение всей жизни. Где можно увидеть турухтанов? Чаше всего по берегам водоемов: в низинах, залитых весенней водой осоковых болот, на сырых луговинах, около стариц. Там и бывают у этих куликов весенние турниры. Для них птицы выбирают местечко посуше, где-нибудь на горوشке или на бугорке.

Турухтаны-петушки - весной очень бойкие, подвижные птицы. Соберется погожим утречком стайка птиц на своем токовище. Сначала прилетают только самцы. Каждый выбирает себе противника, угрожает ему, распутив и взьерошив воротник, как, бывает, наш домашний петушок на дворе при встрече с другим задирой. Если противник принимает «бой», начинается схватка. Турухтанчик дрожит, трясется, а затем и переступает с ноги на ногу, насканивает на соперника, старается клюнуть его. То же самое намеревается сделать и его противник. Только вот носики у этих птиц мягкие, да еще и с утолщением на конце. От такого клювика не пострадаешь. Очень скоро, когда петушки устанут от своего прыганья, схватка прекращается. Птицы расходятся в разные стороны, и драки как не бывало. Чуть позднее поединок повторяется, если не на том же месте, то на другом. Для турниров турухтанчики имеют и запасные площадки.

Надо сказать, что турниры куликов происходят молчаливо: ни голосов, ни песен не слышно. Турухтаны - птицы не только молчаливые, но и безголосые, не то что косачи-тетерева. Их не за один километр слышно.

Прилетают на ток самочки турухтанов. Они поменьше петушков да и одежкой куда скромнее. Сразу же «дамам» все внимание. Петушки кивают головками, кланяются, трепещут крыльшками. Где-нибудь неподалеку самки устраивают гнездышки и выводят птенцов. Питаются турухтаны мелкой водяной живностью, насекомыми, червями, семенами трав.

Журавлиная родина

Как-то в мае мы побывали на Бобришном, помянули добрыми словами Александра Яковлевича, поклонились и положили к памятнику букет первоцветов. Затем возвратились обратно в заполье, спустились лесочком по песчаной дороге, переехали за ручеек, миновали борчинку и выехали на берег реки, но выше по течению. Очень живописное местечко на пожнях-луговинах. Там уже стоял «уазик», горел костерок.

Отсюда напрямую до Бобришного рукой подать. Наверно, и четырехсот метров не наберется. Сквозь лиловую дымку ольшаника хорошо просматривались зеленокудрые шапки сосен на высоком берегу. Ниже их к реке-старице вплотную подходил зеленеющий кустарник, виднелись голубоватые блюдца воды в озеринках, окаймленных зарослями ивняка.

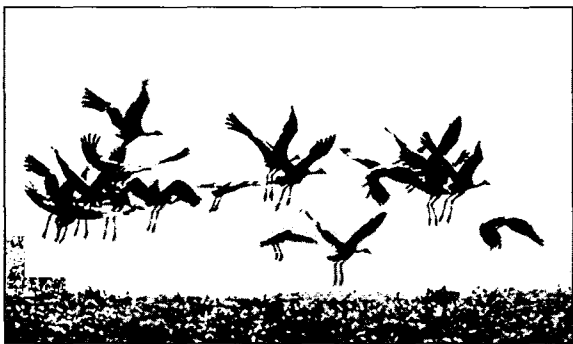
*«Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;
А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистная,
И белая березонька
С зеленою косой!»*

- донеслись слова некрасовского стихотворения. Их прочитала девушка, скорее всего, старшеклассница. Она стояла у костерка с палочкой и следила за котелками, в которых готовилось какое-то варево. Рядом с девушкой находилась и ее подружка.

И совсем неожиданно, с побережья донеслись до нас голоса птиц, которые не спутаешь ни с какими другими. То были журавли. Далеко окрест звучали их трубные голоса: «курлы», «курлы»...

- Смотрите, вон они над рекой, - крикнули девчата.

Журавли летели невысоко, шли клином, вытянув вперед головы и откинув назад голенастые ноги. Птицы ритмично, в такт, но не часто, махали своими широкими крыльями. Подумалось: сколько же раз надо журавлям

взмахнуть крыльями, чтобы добраться к нам на Север из Северной Африки или из Ирака? А летят же, летят! Зато вот она, их журавлиная родина! Они летели для того, чтобы продлить свой род, дать жизнь новому поколению. Везде было покойно и тихо. Казалось, не только мы и девочки, но и березки, и кустистые с желтыми барашками ивы, и река - все слушали голоса птиц.

Через минуту-другую журавли были уже над Бобришным. Курлыкая, они только поднялись чуть выше над лесом и продолжали полет все так же степенно и медленно, как и летели. И все еще были слышны их звучные голоса.

Мы проводили журавлей долгим взглядом. Но грустно, как бывает осенью, нам не стало, потому что это была встреча, а не расставание. Мне вспомнился маленький, любимый всеми самолетик «АН-2» - «аннушка». Летал он лет тридцать назад. «АН-2» перевозил моих земляков, гостей наших, всех, кому надо было попасть в Никольск или улететь в Шарью, - крупную узловую железнодорожную станцию Костромской области. И трудно было оторвать взгляд от иллюминаторов, в которых виднелись зеленое море тайги, поля и луга, родные просторы.

Так вот, этот самолетик обычно пролетал над Бобришным или поблизости от него. То ли избышка писателя служила летчикам ориентиром, то ли на самом деле тут проходил маршрут трассы. Много раз летал на этих самолетах Александр Яковлевич, его друзья и товарищи. Увидев с земли, от реки или из лесу журавлиный клин в небе, писатель всегда останавливался и провожал птиц посветлевшим ясным взглядом, долго смотрел им вслед.

С особой любовью и теплотой относились и относятся к журавлям люди. И называют их ласково: журавушка, журавель, журка.

«Если хоть один раз кому-нибудь из вас посчастливится на утренних зорях услышать одухотворяющие, какие-то необычайно таинственные трубные звуки журавлей и подивиться их оживляющей природу силе, вы не забудете этого никогда - такое душевное воздействие оказывают они на человека», - писал кандидат биологических наук Н.Д. Сысоев.

Я уже говорил, что очень почитал журавлей и наш писатель-земляк. Вовсе не случайно одна из книг А.Я.Яшина так и называлась «Журавли». С какой сердечной теплотой рассказывал писатель об этих любимых своих птицах. Еще в 1954 году им был написан этюд о журавлях. «Улетали птицы на зимовку в жаркие страны, и вдруг нарушился их строй; сбились журавли в кучу, заходили кругами. И припомнились слова, знакомые с детства:

«Клин, клин-журавлин!

Путь - дорога!

Путь - дорога!»

И выравнился строй, исправился, и полетели птицы дальше».

В одной из своих дневниковых записей Александр Яковлевич рассказывает: «С Павлом Ивановичем (жителем деревни) ходил за реку за грибами. Павел любил задавать мудреные вопросы. Новый вопрос: «Всю жизнь живу, не видел, как журавли весной летят на север, только осенью на юг. Что это такое? Можете ответить?»

Я не смог».

Журавли, конечно же, весной летят на свою родину. Иначе не было бы и журавлиных плясок, не создавались бы семейные пары, перевелись бы и сами птицы. Действительно, весной журавлиные стаи заметны меньше, чем осенью. Бывает, птицы летят ночью, в темноте, да и «разговоров» у них меньше. Птицы летят молча, не часто слышны их звонкие трубные голоса. Это признают и ученые.

«Весной звуки обычно менее концентрированные», - пишет шведский ученый Кай Карри-Лендал в книге «Птицы над сушей и морем». И то сказать, что загадочные процессы весенней и осенней миграции птиц до сих пор до конца не изучены.

Еще только-только начинала отходить от зимней стужи земля, не забродили еще в деревьях весенние соки, не растаял в оврагах снег, и лишь на вербах желтели барашки, а уже свистели в высоте крылья первых птичьих караванов.

Весной словно волшебный мир открывался на Бобришном. Проходила неделя-другая, и уже валом валила птица: водоплава-

ющая и другая. Любо было Александру Яковлевичу посидеть ранним утром в скрадке-шалашике на тетеревином току или сходить на вальдшнепиную тягу. Вот запись из дневника писателя. «Второе утро в шалаше. Тепло. Сыро. Тетерева на деревьях часов с 5 утра. Еще в темноте пролетал один вальдшнеп в стороне Мокруш, с криком пролетели утки. Поют дрозды, со свистом крыльев носятся чибисы (высший пилотаж), «бобочет» заяц. Лед пошел. На берегах много льду, значит «будет тяжелый год для людей, - говорит мать». «21 апреля. 6 часов. Бобришный угор. Встал в три часа. Земли нет, неба нет - все в белом. И в этой белой мути где-то внизу на невидимой реке невидимо постукивают плывущие бревна».

- Ты знаешь почему столь необычны, музыкальны и отрадны журавлиные клики? -спросил как-то меня писатель.

- Знаю, что курлыкают только журавли-самцы, больше ничего не знаю, - сказал я.

Лишь потом, позднее, в каком-то журнале прочитал: все зависит от устройства горла этой птицы. Оно у журавля состоит более чем из трехсот костяных колец. Но и это еще не все. Кольца спускаются по шее вниз, потом загибаются под острым углом вверх и опять спускаются вниз. Такой вот музыкальный инструмент.

Что еще сказать о нашем журавле? Окрас птицы пепельно-серый. Горло и передняя часть лба черные, черные также и маховые перья в крыльях. Да по бокам шеи перья окрашены в беловатый цвет.

Прочитал как-то в справочнике: «Заслуживают повседневной охраны как украшение и живые памятники природы, многочисленны». Значит надо позаботиться о журавлях, оберегать их.

И еще. Журавли не живут за Полярным кругом. Они гнездятся у нас, на русском севере. Здесь для них самая что ни на есть родная земля, здесь их журавлиная родина.

Журавль - это частичка нашей Родины, живое ее украшение. А может, и больше. Может, стоит назвать любимого народом журавля национальной птицей земли русской?

За журавлихой

Журавлиха. Слово это впервые услышал от Александра Яковлевича. Хорошее слово. Не затасканное. Из той самой родниковой речи селян.

Журавлиха - клюква. Растет на моховых болотах, там, где обитают любимые всеми журавли.

Клюква у нас поспевает в сентябре.

Очень полезная это ягода. Да что о ней рассказывать? Все знают. Кто не пробовал клюквенного киселя, варенья, морса, наконец. Клюква хорошо и долго сохраняется. У нас ее даже не заливают водой, хранят такой, какая она есть. Болота, на которых растут мхи, лишайники, клюква, морошка, голубика, - бесценный дар человеку, такой же, а может и больший, дар птицам и зверям. Посмотрите, сколько лесных обитателей, начиная с глухарей и куропаток, водоплавающих, других птиц обитают на болотах или около них. Все они находят здесь не только приют, но и разнообразные корма.

- У нас, в Великоустюгском районе самые крупные медведи осенью пасутся на клюкве, - свидетельствует главный охотовед И.Н.Парфенов.

А перезимовавшая на моховых болотах клюква-«вешница» очень выручает бурых медведей весной. Отощавшие за зиму звери в это время испытывают большой недостаток в кормах. Медведи покидают берлоги еще в апреле, по снегу. Первое время после зимней спячки звери живут впроголодь. И как только растает снег на болотах, медведи отправляются собирать клюкву. А это не почки лиственных деревьев, не какие-нибудь червячки. Почти мед...

В Никольских лесах болот меньше, чем на западе области. Но широкой полосой болота тянутся с юга на север по правой стороне дороги на Тотьму. С небольшими перерывами болота простираются до Сухоны. А это около двухсот километров. В погожие дни бабьего лета отправились мы за журавлихой в Подболотье Бабушкинского района. Ехали на «ГАЗике» шестьдесят шестом, да еще с лебедкой, хотя она и не понадобилась. Лето было сухим и знойным, дороги высохли.

В Подболотье заночевали у гостеприимных Зотиковых. Главу

семьи звали Савватий, а отчество забыл. Утром позавтракали и поехали через Сосновку в Шипуново. Деревушка эта была давно покинута людьми. Из всей деревни сохранился один дом - пятистенок, который принадлежал тогда колхозу. В нем мы и остановились, выгрузив свои пожитки. За домом, в нескольких десятках метров - озеро. Горя от нетерпения, мы наскоро перекусили и побежали знакомиться с озером. От берегов оно заболачивалось. Местами к нему подступали кустарник и мелколесье. Длина озера была километра полтора, ширина в три раза меньше.

Позолоченные рожицы березовых колков и перелесков тихо перешептывались с порыжевшими зарослями тростника и осоки. Едва мы подошли к воде, как с отмели у бережка взлетел кулик-сорока. Вдоль черных крыльев птицы белела широкая полоса. - «Клип, клип, клип», - закричал кулик, и тут же перешел на отрывистое дятлово - «кик, кик, кик».

На тихой голубоватой поверхности озера там и сям плавали и ныряли дикие утки. Насытившись, некоторые из них отдыхали и охорашивались, чистили перышки, смазывали их жиром. Там же, на озере, в дальнем его конце, маячили фигурки людей. Похоже, что они собирали клюкву. Птицы здесь непуганные, и потому не обращали на них никакого внимания.

Только один раз услышали плеск рыбины. Она бултыхнулась у кустиков осоки. Почему-то рыбы в озере было совсем мало. В этом мы убедились, поставив жаберную сетку. В ней за ночь запутались всего две щучки по 500-600 граммов каждая. Мы возвратились, взяли ведра и тоже пошли за озеро собирать клюкву. Ноги увязали во мху, под сапогами-броднями хлопала вода.

К открытой воде мы старались не подходить, а держались подальше.

Хорошо было собирать крупные ягоды: ни о чем не думать, ни о чем не заботиться, отдыхать душевно. Ягоды были крупные, как черешня, только в траве. К вечеру мы с Валентином Рожиным набрали по эмалированному ведру отборной журавлихи. Чего еще надо.

Отдохнули немного и пошли разводить костер. Устроились мы неплохо. У нас даже газ был. Баллон с газом предусмотрительно захватил сын Савватия Виталий. Он занимался сбором сосновой смолы - живицы как раз в этих местах. Когда мы проезжали около его лесной избушки, остановились и взяли баллон с газом. Готовя завтрак или обед, пользовались газовой плитой, но по привычке

тянуло к костру. На открытом огне костра готовили не меньше, чем на плитке.

На следующий день с утра все поехали на другое озеро. Находилось оно в лесу, километрах в четырех от Шипунова. Озеро было круглым, как тарелка. Глубина у берега была три-четыре метра. Там тоже плавали утки. Как нам рассказали, рыба в этом озере не живет. Оно было мертвым. Может, газы какие со дна выходят.

Журавлихи по берегам озера было очень много, только она была мелкая. Кое-где попадались местечки и с крупными спелыми ягодами. И опять мы собирали клюкву, хотя начала уставать спина, тянуло поясницу. Мы с Валентином старше всех по возрасту и особо себя не утруждали. Отдыхали, сидели на кочках.

Утром я вставал рано, выходил из дома, разжигал костер и готовил что-нибудь на завтрак. То утром, то вечером приходил к костру мой новый знакомый - Руф Павлович. Родом он из этих мест, с какого-то починка или небольшой деревеньки. Руфу Павловичу было под семьдесят. Жил где-то на Украине, работал педагогом, преподавал зоологию. Руф вспоминал прошлое, рассказывал много интересного. Да и мне было что рассказать. Только не могли мы с ним наговориться, не хватало времени.

Каждое утро, когда вставало солнце, а то и раньше, из-за поля доносились журавлиные голоса. Звонко кричали птицы, и все в одном месте. Вечером опять трубили журавли. Спросил у Виктора, нет ли в той стороне, где курлыкали журавли, болота?

- Есть, и совсем близко - за бывшим полем.

Я настоял, и сегодня же с утра отправились туда. И что же? Столько журавлихи, сколько мы увидели на этом круглом болоте, я никогда в жизни не видел, и уже тогда знал, что больше столько и не увидеть.

Болото было сравнительно сухим, с холмиками-горушками. Травы на них не было, если не считать низкую жесткую травку «щетинку». Казалось, на болоте была разостлана настоящая скатерть-самобранка, а на ней усыпано крупных, бордовых ягод.

Даже перелетные стаи журавлей не смогли их склевать. А открыли это богатое клюквой болотце нам журавли. За три дня мы с Валентином набрали килограммов пятьдесят журавлихи, а наши товарищи - не по одному мешку. Больше за клюквой мы не пошли, а с другой компанией направились за спелой брусникой на вырубку.

Белые ночи

Это то время, когда, по словам писателя В. И. Белова, «целуются зори». Не успевает потухнуть вечерняя заря - занимается утренняя. Известно: люди делятся на «сов» и «жаворонков». «Совы» долго не ложатся спать, «жаворонки» - раноставы, зимой и летом поднимаются раным-рано. Утром на свежую голову любая работа спорится.

Когда белые ночи, не вставать рано просто не могу. В это время кукует кукушка, поют соловьи и цветет черемуха. Сегодня поднялся и намного раньше солнышко - в начале третьего. Открыл окно. Тишина. Свежесть летней ночи. За окном все еще в дреме: деревья под окнами, цветы на газонах. Не летают бабочки, отдыхают великие труженицы пчелы, даже толстенькие мохнатые шмели не перелетают с цветка на цветок, с былинки на былинку. Давно заметил, что солнце каждый день встает по-разному. Сегодня небо на востоке розовеет, но на глазах выползает черная лохматая туча. Она висит над горизонтом, лиловеет, закрывает солнце. В березовой рощице за дорогой сказала какая-то малая птаха - пропела трельку-песенку и замолчала. Но певунью услышала другая птичка, прозвенела колокольчиком, рассыпалась трелью и тоже замолкла.

Часа в четыре поднялись вороны. Закаркали хрипло. Закричали чайки-мусорщики. Обленились, наверное. Ждут «подачки» от людей, кормятся на свалках. Это легче, чем ловить рыбу, а может, и мало ее стало. Резко кричат нахальные, с узкими заостренными длинными крыльями крачки.

...А туча еще поднялась, заметно подалась вперед. Лучи солнца пробить ее не могут, лишь верх тучи оторочили золотистой каемочкой. С каждой минутой эта светло-золотистая полоса ширится, растет, становится прозрачной. Светило так и не могло пронзить тучу насквозь. Огненный шар солнца поднялся выше нее, озарив землю теплыми светлыми золотистыми лучами.

От легкого дуновения ветерка круглые зеленые листочки молодой еще осинки зашевелились, затрепетали, словно крылья бабочки, висящей на одном месте над ароматным цветком.

Желанны и красивы белые ночи. Светло, как днем. Только вот проходит это славное времечко очень быстро. Уже дни пошли на

убыль. С 25 июня - солнцеворот. С этого дня солнце пошло на зиму, лето - на жару. Так гласит месяцеслов.

Плясуны

Вечером на огонек к моему костерку опять пришел Руф Павлович. Был он, как всегда, побрит, свеж, в чистом джинсовом костюме, в парусиновых летних туфлях. Его голос был громкий и звонкий.

От костерка хорошо просматривались прилегающие к бывшей деревеньке поля, озеро с его тихой, словно уснувшей водой. В дальнем конце озера у островков - сплавин крикали утки. Я угостил Павловича свежей ухой из мелкой рыбешки, жаренной на костре колбаской. Чайком побаловались. Я уже рассказывал, что мой знакомый - здешний, из какого-то починка или деревеньки.

«К нам сейчас и дороги-то нет, все лесом да кустарниками затянуло, - сказал Руф Павлович. - Журавли и раньше на болотах водились. Очень интересовала меня жизнь этих птиц. О том, что весной они устраивают пляски у нас мало кто и знал. А я решил высмотреть, как это происходит. В начале мая было. Встану рано, выйду на улочку и слушаю, где журавли кричат. Больше всего в Дремовитом болоте, в его дальнем углу. Первый раз пошел туда утром, когда рассвело. Пробирался закрайком болота и издали заметил стаю журавлей. Вижу: у птиц два сторожа стоят. Сел на лесину, дождался, когда журавли на кормежку улетят. Место это я заметил: там сухая сосна маячила. Пришел и из посохших корявых сосенок, пеньков, всякого другого хлама шалашик сладил, сверху прошлогодней травой закрыл.

Следующую ночь плохо и спалось. Все ворочался с боку на бок, вставал да на часики поглядывал. Поднялся в самую темень. Чайку попил и пошел. В темноте да по болоту быстро не ушагаешь. К шалашу пришел как раз перед рассветом. Забрался в укрытие. Скоро и светать стало. Место журавли выбрали глухое, укромное. Но просматривалось оно хорошо. Так и не понял, откуда появились птицы. То ли прилетели, то ли из кустов прибежали. Насчитал шесть пар. Журавли были подвижны, бодры. Сначала все разом закричали, вроде как побудку

сыграли. Утро было ясное, но холодное. Трава в голубоватых блестях инея.

Что ни говори, журавль - птица видная. Любуюсь, вот какие высокие да стройные. Про голос и говорить нечего. У кого еще такой есть? Как закурлыкают, затрубят с переливами. Словно по сердцу ударят.

Журавли стояли полукружьем. Гляжу - один сделал шаг, другой. К «даме» направился. Подошел, низко поклонился. И другие птицы шагают к своим избранным да еще крылышками помахивают. Реверанс свой журавлиный исполняют. И все это так ласково и нежно. Потом журавли запритапывали, забегали по кругу, пустились в пляс. Скажу тебе, зрелище впечатляющее. Словно балет «Лебединое озеро» на сцене Большого театра. Его я по телевизору не раз видел. Так вот и у них, журавлей. Были и другие движения и позы у птиц, только все-то я и не упомянул.

Через несколько дней я еще побывал на болоте. И там на сухом местечке нашел в зарослях травы большое журавлиное гнездо. Оно было устлано травой-ветошкой, сухим мхом. И было в гнезде два больших продолговатых яйца. Слышал, что на яйцах сидят не только журавлихи, но и глава будущего семейства. Да и пары у журавлей, как и у лебедей, создаются на всю жизнь. Вот это птицы!

Медведя мы не убили

Моя встреча с известным русским писателем Фёдором Александровичем Абрамовым была неожиданной. Он приехал к своему другу А.Я. Яшину на его Бобришный угор. В один из дней писатели появились в Никольске, заглянули ко мне. Пообедали, попили чайку. Тогда и возникла мысль поездить по району, побывать в одном из его дальних уголков.

Выбрали Гороховский починок, тогда уже бывший, так как он, как и многие лесные деревеньки, был покинут людьми. В тот же день на моём стареньком «козлике» ГАЗ-67 отправились в путь.

К тому времени о Фёдоре Александровиче я знал немного. Слышал, что он из плеяды замечательных писателей-«деревенщиков», в те годы определявших лицо русской советской литера-

туры. Все они вершили важное дело, хотя вокруг некоторых их сочинений разгорались страсти, возникали споры и диспуты. Важность же деревенской темы в литературе трудно переоценить. К числу таких писателей тогда относились Валентин Овечкин, Александр Яшин и Фёдор Абрамов, Владимир Тендряков и Владимир Солоухин, Василий Шукшин.

Говоря словами самого Фёдора Александровича, деревня - это и наш хлеб насущный, это и та многовековая почва, на которой всколосилась вся наша национальная культура: её этика, её фольклор и литература, её чудо-язык. К этим словам писателя можно добавить, что проблема продовольственной независимости страны полностью, всецело зависит от того, как будет родить земля-матушка. Вопрос этот не менее актуален и сейчас.

Фёдор Александрович был смугл, черноволос, среднего роста. Движения энергичны. Только вот улыбка очень уж редко появлялась на его задумчивом загоревшем лице. Угадывалась и незаурядная сила писателя, происходящая, вероятно, от его северных крестьянских корней. Это моё предположение оправдалось: несколько позднее я убедился в выносливости гостя - когда на рассвете мы вышли из деревни Шири и отправились пешком в Гороховский починок. За несколько километров по лесным хлябям. Хотя Фёдор Александрович чуточку прихрамывал, припадал на ногу (сказывалось фронтовое ранение), он не показывал виду, не отставал от нас, а зачастую бодро шагал впереди.

Замечу сразу, что уже после нашей первой встречи, после ночёвки в Ширях у местного учителя (наставника, как звали его в деревне), пенсионера Петра Владимировича Глушкова и его гостеприимной супруги, я испытывал всё нарастающую симпатию к гостю-писателю. И ещё понял, что Фёдор Александрович и Александр Яковлевич были наделены даром пропускать через своё сердце боль и радость других.

У них было много общего и в другом. Они были почти земляками: наши северные области граничат друг с другом. Оба писателя крестьянского происхождения, оба трудились с детских лет, ходили босиком по земле, забредая порой в неведомые, укромные, а то и вовсе глухие уголки и закоулки. Даже характеры были у них схожие: по словам Абрамова о себе, - не сахар. А ещё оба при жизни завещали похоронить себя на своей малой родине. А.Я. Яшин - на Бобришном угоре, Ф.А. Абрамов - в Верколе на Пинеге. Были общими любовь и внимание к простым людям, по-

нимание их проблем, чуткое отношение к чужому горю, крестьянская рачительность и здоровая нравственность. Всего не перечислишь. И, конечно же, явно совпадали и сферы профессиональных писательских интересов. Достаточно назвать нашумевшие в то время «Вологодскую свадьбу» Яшина и «Вокруг да около» Абрамова.

В то время стояла дивная августовская пора. Днём нещадно палило солнце. На вырубках и закрайках сельских дорог то и дело виднелись нарядные малиновые пирамидки кипрея, по-народному иван-чая. Красота необыкновенная. Это растение - отличный медонос, а высушенные листья можно заваривать и пить, как чай. Уже в конце июля поспела рожь. Ее увесистые, пожелтевшие колосья клонились к земле. И стоял над полем ни с чем не сравнимый аромат спелого хлеба. А вот луга опустели - высохли, пожухли травы. И лес был пустым. Грибов не было и в помине - словно чёрт с квасом съел.

Я сразу заметил, что Фёдор Александрович был горячо и искренне влюблён в природу, был её незаурядным знатоком. Не случайно в его произведениях живописны пейзажи, своеобразно открывается красота русского севера. Однако думается, что на первом плане всё-таки была его забота о духовных ценностях нации, о драматических судьбах русской деревни. Не случайно в одной из своих новелл «Чаруса», опубликованной под рубрикой «Наедине с природой», Фёдор Александрович пишет: «Бывает так: устанешь бродить в густом лесу или просто заблудишься в нём. И вдруг выйдешь на манящую изумрудную яркую полянку. Хочется броситься на траву, отдохнуть от дум, от тревог, от усталости. Но... обольщаться нельзя. Это чаруса - болото, трясина».

* * *

...В Ширях вечером писатели засиделись надолго. Ещё по дороге сюда Александр Яковлевич вслух читал только что опубликованного в «Правде» «Тёркина на том свете». Разговор о жизни, колхозной деревне, о хлебе насущном - «Чем живём, кормимся?» - был продолжен за чашкой чая...

Как-то очень задумчиво и значительно Абрамов произнёс: «Прав Лев Николаевич Толстой, сказав, что благо людей в жизни, а жизнь - в работе». Впрочем, эти слова классика можно отнести и к героям произведений Фёдора Александровича.

...На повети, где мы ночевали, под утро особенно остро запах-

ло душистым сеном, стал различим улей, разобранный старый велосипед, трёхрогие вилы.

- Пора, братцы, пора, - первым поднялся Фёдор Александрович. - На зорьке самая охота.

Мы быстро встали, умылись. В поле, за околицей, на горохе увидели большую - не менее сотни - стаю лесных голубей-витютеней. Мы с Фёдором Александровичем направились их скрадывать. Но стая взмыла в воздух, краемхватила нас. Фёдор Александрович разрядил тулку. Мимо.

В конце поля догнали Александра Яковлевича и лесной дорогой зашагали дальше.

- Голубки-то умирать улетели, - сострил Александр Яковлевич.

В низинке у небольшой речушки мы услышали мелодичный посвист рябчика. Я достал манок - металлическую дудочку - и тоже отозвался рябчиком. Ещё и ещё. Но хохлатый петушок, затаившись, молчал. Александр Яковлевич прошептал: «Слишком часто повторяешь песенку, так не бывает, птица замечает подвох». Он держал в руке пищик-свистулку, сделанную из пера глухаря. Тихонько отойдя от нас, Яшин присел на валежник и подал голос. Получилось что-то вроде «ти-ти-тиу-ти» или «пять, пять, пять тетеревей».

После того, как охотник повторил песенку, откуда-то из чащи вынырнул рябчик и уселся на еловый сук в полдерева. Грянул выстрел, и хохлатый петушок упал на землю. Положив рябчика в рюкзак, отправились дальше.

Поднявшись на угор, наткнулись на отпечатки крупных когтистых медвежьих лап. И тут же следки поменьше. Так вот где ты шатаешься, боярыня косолапая!

- Давно замечено, - сказал Фёдор Александрович, - что волки, медведи охотно пользуются дорогами-зимниками, тропами, просеками.

Вскоре лес заметно поредел, в нём стали преобладать березняк, молодой зеленоватый осинник, за ним ольховые мелоча на заброшенных пашнях. Вон и чернеющие скатами крыш избы бывшей деревушки. А овсы здесь посеяла ширинская бригада.

Чудесный вид открывается слева - низинка, а за ней высокие холмы, заросшие хвойным лесом.

Лабазы были приготовлены заранее, поэтому остаток дня мы провели у родника с чистой студёной водой, приготовили суп из дичи, жарили на углях грибы. Побаловались чайком. Время проле-

тело быстро, и когда солнце стало цепляться за верхушки островерхих елей, отправились в засаду.

- Фёдор Александрович, есть шанс отличиться. Выйдут медведи, скомандуй: «В одну шеренгу становись! Первого стреляю, последний падай», - пошутил Александр Яковлевич.

Наши засидки - поблизости одна от другой, в самом углу овсяного поля. С моего лабаза хорошо видно Яшина, который устроился на берёзе, что вышла на опушку леса. В её зелени уже появились жёлтые пряди. Поначалу Александр Яковлевич ворочается, но, устроившись поудобнее, сидит не шелохнувшись. Откуда-то взялись две сойки. Треща на весь лес, гоняясь друг за другом, затеяли драку. Мы проклинаям задир, но ничем не выдаём своего присутствия. Наконец, птицы улетели.

Придёт ли медведь? Эта мысль не даёт покоя. У каждого теплилась надежда на удачу. Солнышко уже скрылось за горизонтом, на землю опустились сумерки. Лес притих, молчит. Нелегко сидеть на тонкой перекладине. Затекли ноги, ноет поясница. Да и комарики жалят, как осы. Так и хочется встать, распрямиться. Из

низины, со стороны починка, приполз туман. Метрах в пяти уже ничего не видно. Яшин свистит рябчиком, сигналил фонариком. Мы слезаем с деревьев, собираемся вместе. О неудаче ни слова.

- На починке кто есть, - сказал Фёдор Александрович, увидев мерцающий вдали огонёк костра.

Как не пойти к людям? Оказалось, грибки из ближайшего лесопункта.

- Ужинать с нами, - пригласил высокий мужчина в брезенто-

вой куртке. Он неторопливо отдирает от валявшейся на земле люльки-качалки сухие дощечки и бросал их в огонь.

Яшин внимательно рассматривал остов нехитрой деревенской колыбельки.

- И меня мать в такой качала, - вздохнул он, скидывая с плеча ружьё. - И люди здесь жили.

Костёр затрещал особенно сильно, вздымая космы пламени. В тёплых струях воздуха задрожала листва рябины.

- Спалишь дерево-то, посохнет. Не мог подальше разложить, - посетовал другой грибник, отодвигаясь от жара.

- А тебе жалко, что ли? Хватит их, - высокий молча отрезал ломоть хлеба, аккуратно поставил на землю котелок.

- А рябину впрямь жалко, - задумчиво произнёс Александр Яковлевич. Найдя разлапистую корягу, он стал отгрести в сторону от ствола пылавший сушняк и угли. - Надоели разговоры: срубил дерево, а посади два. От многого только разговорами и отходим... Под этой рябиной люди жили, любили, пели песни. - Он запрокинул голову и долго вглядывался в ночное небо.

- Спели они здесь свои песни, - поддержал разговор высокий грибник.

- Они-то спели, - согласился Яшин. - А вот другие, вот мы, увидим эту рябинку и порадуетесь. И другие люди. И дрозд вниманием не обойдёт. По травинке - луг, по лесинке - лес собирается. А куда съехали с этого починка?

Грибник Иван охотно пояснил. Кто на центральную усадьбу подался, кто - в лесопункт, благо заработки хорошие, кто - на «селёдку» в далёкий Мурман, кто - на другие «большие города».

Разговор завязался сам собой. Знаток преимущественно архангельской деревни, Фёдор Александрович нашёл в ней многие общие с вологодской землёй черты.

- И всё-таки особенности есть, - он неторопливо прихлёбывал из закопченной кружки.

Оказывается, Яшин неплохо знал и архангельскую деревню.

- Да, у нашей области своя специфика, - соглашался Яшин. - Двенадцать тысяч крохотных деревенок. Множество именно своих особенностей и трудностей, которые неведомы другим областям страны. А знаете ли вы, что в наших краях численность населения по сравнению с довоенной порой сократилась на пятую часть?

- Так ведь война-матушка... - высокий грибник помешивал палкой в костре.

- Не всё война. И отток населения, главным образом сельского, в другие районы страны. Вот «больница города», «селёдка». В одном Первоуральске сколько наших! А в Мурманске! Да и в Архангельске. Наша Юг-река прямою линией в Двину впадает, свою волну льёт. Наши мужики ещё на баржах хлеб да лён по ней плавил, плоты гнали. Брюкву недаром «гананкой» у нас зовут, «голландкой» значит. Вот откуда пришла. Через Архангельск...

Яшин торопливо, запальчиво заговорил об особенной запущенности сельского хозяйства именно в печально южной полосе.

- Так вперёд-то как жить будем? - спросил Иван. Хотелось бы знать. Я, конечно, сейчас с мотопилой «Дружба». А сродственники все деревенские, вся родня. И у него вот жена в колхозе, - он указал на высокого в брезентовой куртке.

- Вот рябину беречь, поля клеверить, дело своё делать хорошо, - улыбнулся Яшин, - и смотреть правде в глаза. И ещё. Иногда мы односторонне на вещи смотрим. А жизнь штука сложная, особенно в наши времена. Жить будем лучше, но и, в общем-то, как поработаем, так и проживём. Эта истина проста и проста. И на вечные времена. Оптимизм помогает жить.

- Саша, а сам-то ты не упрощаешь всё в чём? - встрепенулся Фёдор Александрович.

- Я ж так просто, для повседневного обихода, как говорится, - вдруг рассмеялся Александр Яковлевич. - У коз три много мыслей в голову лезет, как мошकारа на огонь.

Он уже серьёзно, даже хмуро оглядывал собеседников, собирая охотничьи пожитки.

- Спать-то, ребята, в избу идите. Мы сена нанесли, всем места хватит, - предложил высокий грибник. И добавил не без иронии. - Или медведев ещё караулить пойдёте?

Мы зашли в избу и устроились на полу. Фёдор Александрович ворочался с боку на бок, возился в темноте Александр Яковлевич. Не спалось.

На Бобришном угоре Фёдор Александрович прожил две недели. «И это были незабываемые дни», - писал позже Абрамов. Друзья не только рыбачили и охотились на уток в старицах, но и побывали у героев повести «Вологодская свадьба», встретились со многими другими земляками А.Я. Яшина, чаще всего с сельскими жителями.

Фёдор Александрович, как и Александр Яковлевич, ежеднев-

но заполнял дневник. А это, на мой взгляд, очень важно для писателя, и не только для него.

После поездки на родную землю друга записей в дневнике Ф.А. Абрамова заметно прибавилось. Появившиеся позднее такие произведения Абрамова, как «На овсах» в одном из толстых журналов, издаваемых в северной столице, «Семь вёрст до небес» в одной из книг писателя - тому свидетельство.

...Быстро, словно облака над землёй, пронеслись год за годом. Банальна истина: жизнь любого из нас кончается смертью. Если человек родился, значит, он умрёт. Давно ушли в мир иной Александр Яковлевич и Фёдор Александрович - оба безраздельно мужественные люди. Вечная им память за высокое служение.

На Бобришном

Лесная поляна в окружении белокорых, стройных берез. Бронзовые, шумящие на ветру сосны. Чуть поодаль разбежались вечнозеленые колючие елочки-подростки вперемешку с серыми зарослями ольховника и кустистыми рябинами.

Гостеприимная бревенчатая избушка стоит высоко на берегу. Ее светлые оконца смотрят на яркое полуденное солнце, на Юг. Внизу река с островком, с быстряком перекатом, на котором серебрится и плещет вода перед крутым поворотом - излучкой.

Бобришный угор...

Вся эта красота с детства, с юношеских лет завораживала, запала в душу деревенскому пареньку Саше Попову, позднее - писателю земли русской Александру Яковлевичу Яшину. Бобришный стал для него самым заветным, самым любимым уголком. Потому и был построен здесь писательский домик.

Каждый раз, как только появлялся писатель в Блуднове, он спешил за околицу и знакомой тропой-дорогой шёл к своей лесной избушке.

Весной, когда перелетные птицы возвращались на родину, птичьи караваны шли один за другим день и ночь. Александр Яковлевич любил вставать рано, шел на охоту за тетеревами, на утиный перелет, или, усевшись на крыльечке, слушал неумный птичий гомон: звонкие и весёлые голоса пернатых, на все лады славящих

приход весны и обновление природы. И было слышно, как бормотали тетерева-березовики, усевшись на деревьях в пойме, как тоненько дребезжал в голубизне небесный барабанчик бёкас. Как высоко над землёй звенел жаворонок и совсем рядом, на сосне, куковала кукушка.

Сюда, на Бобришный, часто приходили и приезжали друзья и земляки, и видеть их писателю было радостно. Но, как сказал поэт, «солнце не вечно сияет, счастье не вечно везёт, каждому вдруг наступает рано или поздно черёд». И здесь, на Бобришном, более тридцати лет тому назад писатель нашёл свой последний земной приют. И столько же раз замерзала, а весной освобождалась от ледяных оков река под обрывом, столько же раз осень раскрашивала Чистый бор, не жалея красок. Благодарные земляки возвели писателю памятник. И часто бывают здесь люди. И не только летом: в дождливую осень и лютую стужу, в февральскую метель и апрельскую ростепель. Идут, чтобы вспомнить. Почтить его память, положить к изголовью памятника букет живых цветов, просто зелёные лапочки сосны или пихты, кустик лесных ягод.

Неумолимо быстро летит время. А мы всё торопимся и спешим, не ведая сами куда. И нам всё некогда в этой суматошной, а для многих пока ещё и нерадостной круговерти жизни. В мирской суете забот нам недосуг посидеть на берегу просто так и полюбоваться природой. Некогда закинуть удочку и выудить краснопёрого голавлика или полосатого окунишку. Впрочем, не стало и рыбёшки, перевелась она. И что тут удивительного? Душат её нещадно всем, что придумается, - от железных зубьев остроги до электрических разрядов, - бездумно уничтожая с весны до глубокой осени. И не внуки наши, а мы сами уже всерьёз подумываем, не махнуть ли на рыбалку на озеро Белое, Лаче или Онежское, чтобы отвести рыбацкую душу. А поближе, за сотню-другую километров, ездят сегодня на рыбалку уже многие.

В этот раз на Бобришный отправляемся на трёх новеньких, сияющих белизной японских джипах. Стрелки спидометра приближаются к ста. Ясно, что до Блуднова, до писательского домика на Бобришном, доберёмся за считанные минуты.

Две машины гостей из Москвы и одна - нашего местного предпринимателя Василия Николаевича Корепина. Мне да, наверное, и Александру Яковлевичу никогда в жизни не приходилось ездить на таких элегантных и быстроходных машинах. Подобных в те годы просто не было. И невольно вспоминалась поездка на Боб-

ришный с Александром Яшиным и его другом, тоже известным писателем земли русской Фёдором Абрамовым. Тогда, в конце шестидесятых, мы добирались до Блуднова на моём стареньком штопаном-перештопаном «газике», ГАЗ-67, который мои друзья в шутку называли ХБВ - «хочу быть виллисом».

Что из себя представлял мой «козлик», описал в своём очерке «Семь вёрст до небес» Фёдор Абрамов:

«...Драндулет этот только с величайшей натяжкой можно было назвать машиной. Он был собран из немыслимого разнокалиберного старья, так что даже знаменитая «Антилопа Гну» по сравнению с ним казалась верхом технического совершенства, и я не сомневался, что он рассыплется ещё на улицах Никольска. Но Каплин, великий оптимист, был уверен в своём «козлике» (так он любовно назвал своего рысака). И вот мы благополучно, правда, под насмешки и удивлённые взгляды уличных зевак миновали город, въехали в лес, а драндулет, то и дело чихая и извергая целые тучи вонючего смрада, всё тянул и тянул».

Кстати, в те дни на «газике» мы побывали не только на Бобришном, но и далеко за его пределами. Даже в соседней Костромской области. Я был уверен, что «газик» не подведёт, хотя последние шесть километров до покинутого людьми Гороховского починка шли пешком. Там были такие хляби, что преодолеть их можно было лишь на танке.

Моя уверенность базировалась на том, что во время Великой Отечественной такие вот «газики»-тягачи таскали на фронтах пушки-сорокапятки и здорово выручали артиллеристов. В начале пятидесятых на «козлике» ГАЗ-67 ездил наш командир полка.

Позднее мне, благодаря помощи и стараниям Александра Яковлевича, удалось приобрести другой старенький «газик», но уже более современный, улучшенный ГАЗ-69 «А», который и прослужил мне более четверти века.

Небольшое отступление. В 1972-м пожаловали в наш городок чуть ли не заморские гости: прибалты. Не знаю, каким образом они прослышали о моём «козлике», только приехали ребята из Риги. Не какие-нибудь проходимцы, а уважаемые и интеллигентные молодые люди в кожаных «регланах», с золотыми печатками на пальцах. И пил я с ними рижский бальзам, настоянный не на одном десятке трав. И ребята очень просили продать им мой старенький «козлик»-трудягу. И предлагали крупную сумму денег, какой у меня никогда не бывало, или приобрести новень-

кую «Ниву». А ещё приглашали отдохнуть на Рижском взморье. Для чего же потребовалась им моя старенькая машина?

Прожив за границей, в Западной Европе, несколько лет, я убедился, что западные европейцы, а вместе с ними и прибалты, во многом обгоняют нас не на один десяток лет. Так вот, эти молодцы уже тогда были «новыми латышами», уже тогда там начинался бизнес. Ребята строили дачу. И не какую-нибудь, вроде наших дачных домишек на приусадебных участках, а настоящую. С сауной и пивным баром, с плавающим бассейном, с гаражами и теплицей для выращивания цветов ранней весной. И нужен был им мой тягач-вездеход для подвозки стройматериалов. И хотя дан был мне месяц для раздумий, а потом ещё приезжали эти новые знакомые, только отказался я от выгодной сделки:

- Не могу продать, ребята. Машина - память о старшем товарище.

* * *

... Гости-москвичи то и дело поглядывали на часы и если не нервничали, то, во всяком случае, заметно волновались. Но вот и Бобришный.

Как и по всей России, небывало тёплым выдался октябрь. Ещё ни один заморозок не опалил листву деревьев. Берёзовые гривки стояли в позолоте, в оранжевых одежках - осины, в красных - рябины. И ещё жёлтые и фиолетовые листочки на деревьях и кустарниках.

Диву даёшься, сколько ярких красок, оттенков и бликов в палитре осенней природы! По земле деловито сновали мурашки. Хотя и робко, робко, но силился застрекотать - в последний раз, наверное, - кузнечик. Сначала я даже не понял: то ли палочки в костерке попискивают, то ли подаёт тонюсенький голосок какое-то насекомое. Да нет, вот он, непоседа-прыгунчик. Сидит на сухом сучке, греется на припёчинке. А тут ещё пролетел мимо нас шмель. Басовито гудя, он направился к лесному прогалу, где виднелись жёлтые цветы золотарника - одного из самых поздних растений-медоносов. Вот они - фенологические, никем не предсказанные аномалии года!

На этот раз на Бобришный вспомнят Александра Яковлевича приехал Юрий Петрович Власов. Его знает не только Россия, но и планета вся. Напомню лишь, что Юрий Петрович - олимпий-

ский чемпион: у него двадцать девять мировых рекордов по тяжёлой атлетике, он 12-кратный рекордсмен страны, 5-кратный чемпион мира. Имеет титул «Самый сильный человек в мире». А ещё академик, писатель, общественный деятель.

Вместе с Юрием Петровичем - депутат Государственной Думы Александр Васильевич Коржаков. Приехали москвичи неофициально, в частном, так сказать, порядке, к своему хорошему знакомому. Гости посетили памятные места города, не отказались встретиться с общественностью.

С Юрием Петровичем и неутомимой Музой Вячеславовной Бересневой, педагогом-организатором по литературному краеведению, мы сидим на скамеечке под высоким открытым небом. Солнце греет по-летнему.

У Юрия Петровича - простое русское лицо. Он высок, из-под очков смотрят приветливые глаза. Наш разговор - об Александре Яковлевиче. О высоком сознании долга и предназначении русских писателей, о простых людях, о любви к родной земле, стремлении сделать жизнь лучше и радостнее.

Мы с Музой Вячеславовной рассказывали гостю, как наш замечательный писатель-земляк любил этот заветный уголок.

Как-то в своем дневнике Яшин записал: «Белки бегают у моего дома, и заяц был около моего дома, значит и медведь придет, потому что дом стоит в лесу!» А вот запись в дневнике за 4 мая 1966 года: «Все-таки Бобришный угор - место редкой красоты, из-за одной сегодняшней ночи, из-за одной этой лунной тихой, правда еще холодной ночи стоило строить мою избу. Внизу сияет вода - как море, глубины ее кажутся неизведанными, дали бесконечны, за рекой «бобочет» заяц, с вечера токовали тетерева. На небе вокруг луны небольшие спокойные облака, как оформление ее - все почти роскошная театральная декорация: настолько хорошо, что кажется неестественным».

- Здесь очень легко живётся и дышится. И пишется, - не раз говаривал Александр Яковлевич.

Не случайно этому угору он посвятил книгу стихов «Босиком по земле»...

- А название «Бобришный» откуда произошло? - спрашивает Юрий Петрович.

- Кроме угора, есть ещё неподалеку речушка Бобриха. Очевидно, давно, в старину, здесь обитали бобры, эти очень интересные звери-труженики.

На Бобринском гости провели больше часа. Отведали ухи из свежей рыбы (рыбу привезли из Никольска). Выпили по стопке другой хорошей водки, помянув Яшина, и уехали.

В голове у меня роилось столько мыслей, раздумий - наверное, больше, чем зёрен в колосе.

Ни для кого не секрет, что вода, земля, хлеб и огонь - вечные, непреходящие понятия или ценности. Без них на земле не прожить ни одному человеку. Они основа нашего бытия. О каждом из этих понятий говорилось и писалось много. Не случайно у слов «родина», «родня», «родник» - общий корень. Ещё Максим Горький писал: «Велика очаровательная сила огня... Разжечь костёр - для меня всегда наслаждение. И я готов целые сутки так же ненасытно смотреть на огонь, как могу сутки, не уставая, слушать музыку». «Храни огонь родного очага!», - призывает наша землячка поэтесса Ольга Фокина.

- Пламя сближает людей, - заметил как-то Александр Яковлевич, бросая в огонь небольшого костерка сухие сучки. - Наверное, от первобытных людей пошло.

Каждый раз, когда добрейшая старушка из Рамешек бабушка Сима затапливала печку, приговаривала: «Спичка-невеличка, царек-огонек, сохрани мой теремок...», мне думалось о жизни селян, о нашей северной земле, «о хлебе насущном». А это была, на мой взгляд, одна из важнейших тем, которую поднимали в своих произведениях Александр Яшин и Фёдор Абрамов.

Но прежде, чем начать разговор о хлебе, замечу, что я далёк от политики. Тем более сейчас, когда года мои идут не к Петрову дню, а к Покрову. Да и не раз слышал, что политику, как и колбасу, любят те, кто не знает, как она делается.

Встретился недавно со знакомой старушкой из Блуднова. Она шла с батожком и несла пучок берёзовых веток на веник-голик.

Поздоровался. Новостями перекинулись. На мой вопрос: «Как живёшь, бабушка?» -ответила: «Около седёлка». Хорошо, стало быть. И вспомнила Хрущева.

- Хороший он царь был. Нам, колхозникам, пензею дал. В этом месяце чуть не сотню нам ещё прибавили. Молочко, мясо - своё. Ну, грибки там, ягодки из леса - тоже не помешает. А вот колхоз зря развалили. Если бы в колхозе-то люди робили, питья бы меньше было. А так - делать нечего, все и пьют. Нынче иные бабы-то от мужиков не отстают. Ни ума, ни совести нет. Раньше лучше жили - в одну лямку тянули, - вздохнула землячка.

Насчёт дефицита совести у некоторых моих сограждан можно бы и согласиться с бабушкой, а вот в то, что в деревне делать нечего, работы нет - поверить трудно. Были бы желание, сила да здоровье.

Из зерновых культур истинные хлеборобы больше всего уважают озимую рожь. Поэтому и называют её хлебом севера.

Побывав в гостях у А.Я. Яшина, Фёдор Александрович Абрамов писал:

«Единственно, что примирило меня с нею (небольшой деревенькой Блудново - В.К.), - это белые разливы высокой, хорошо уродившейся ржи на полях возле Блуднова, да зелёная травка-муравка во всю улицу, которая придавала деревне какой-то удивительно сказочный, патриархальный вид».

В самом деле, рожь - наиболее устойчивая зерновая культура в нашем регионе, дающая высокие урожаи и много соломы. И она менее подвержена засухе.

Почти каждый год поле за Блудновом, по дороге на Бобришный, засевали озимой рожью. Понятно, почему. Рядом ферма, навоз. А земля - как тарелка: что положишь, то и возьмёшь.

Шли мы здесь как-то с Александром Яковлевичем. Был конец июля. Нещадно палило солнце. Тучнели хлеба.

Яшин остановился. Сорвал хлебный колос. Растёр его на ладони и, пересыпая с ладошки на ладошку, выдул шелуху. На ладони осталась кучка янтарных зёрен. Попробовал зёрнышки на зубок: «Подходит рожь, через день-два пора убирать». И по тому, как лицо друга озарила улыбка, как радостно заблестели глаза, я понял, что это ржаное поле так же близко и дорого писателю, как и его односельчане, его Бобришный угор.

Никогда не бывало, чтобы враз полегчала жизнь. В последние дни июля в Никольске прошумела развесёлая Ильинская ярмарка. Райцентр помолодел, преобразился.

Раньше неразрешимой проблемой было бездорожье. На вопрос, что такое дорога, шутники отвечали: «То место, которое объезжают стороной». Так оно и было у нас, когда в один из годов молоко из колхозов возили на военных вездеходах-тягачах да на вертолётах.

Конечно, изменились дороги ещё при советской власти. А совсем недавно сдана в эксплуатацию современная автомагистраль Урень - Шарья - Никольск - Котлас. Эта дорога соединила юг и центр страны с севером. Сейчас и Москва, и Вятка, и Урал

стали ближе. И до Деда Мороза в Великом Устюге - рукой подать. И соседи-костромичи подобрали Деду Морозу надёжную спутницу - Снегурочку.

* * *

Так уж случилось, что в Блуднове, после поездки с гостями из Москвы, я побывал ещё раз - через день. Приехал на попутке, и мне некуда было спешить. На Бобришный пришёл под вечер. Всё так же ярко светило солнце. Пахло смолой, грибами, смородиной и ещё чем-то лесным, приятным.

Я расположился на той же скамеечке под окнами бревенчатого домика. С высоких деревьев, с их тонюсеньких веточек неслышно, в одиночку и гурьбой, отчаливали разноцветные листочки. Они мельтешили и кружились в воздухе. Кувыряясь с боку на бок, словно бронзовая блесна-колыбалка, тихо падали на памятник, на крышу домика, на мою куртку. Устилали землю.

«Лес умирает долго и красиво, уверенный в бессмертии своём», - невольно вспомнились чьи-то стихи. Хотя упавшая листва - это не умершее дерево. Деревья тоже живые существа. Говорят, что Бог их не уравнил. Живут они, как и люди, по-разному. Они так же стынут от холода и в три погибели сгибаются от ураганного ветра или тяжести снега, засыхают от кислотных дождей.

Выживают, как и всюду на земле, сильнейшие. Таков закон природы. Не так уж и долго опавшая листва пролежит на земле. Она превратится в тлен и будет способствовать лесовозобновлению. А весной набухнут почки, появятся листочки. Лес обновится зеленью...

А я вспоминаю, как из Москвы на родину везли тебя на серебристом «ЛИ-2». Помню, как траурная процессия шла тем же ржаным полем.

«Рожь, рожь... Дорога полевая ведёт неведомо куда», - писал А.Т. Твардовский. Тебя она вела в бессмертие.

Крутились мельницы...

В былые времена в крестьянском укладе жизни немаловажное значение имели мельницы. У нас, на востоке области, да, навер-

ное, и повсюду, чаще всего - водяные. Это и понятно. Надо было не только вырастить урожай, убрать его в закрома, но и довести зерно до дела: получить муку, крупу, толокно. А тут без мельниц не обойдётся. Потому-то на речках и речушках сколько было прудов, запруд, водяных мельниц. Сколько других приспособлений, так нужных крестьянам, крутилось, вертелось на малых и больших реках, порой безымянных ручьях!

Диву даёшься, что, имея в распоряжении лошадку, топор, лопату да пилу, крестьяне укрощали, заставляли работать на себя такие своенравные реки, как Кема и Лундонга, Шарженьга и Кипшеньга, Лоха и другие. Работали не только мельницы, но и маслобойки, станки для производства деревянной стружки для кровли, а кое-где сила падающей воды использовалась для производства электроэнергии. Глядишь, бывало, на такие сооружения и дивишься мастерству человеческих рук.

В прудах и запрудах обитало много рыбы, около них находили приют, гнездились, выводили потомство множество полуводных обитателей, зверьков и птиц. Плотины на речках, сооружения на них находились чаще всего за околицей, на отшибе, порой в лесу. Они гармонично вписывались в пейзаж, оживляли мир природы незабываемой красотой. Не случайно, рассказывая о жизни сельских тружеников, их мастерстве и умении, В.И. Белов в своём известном произведении «Лад» никоим образом не обходит эстетику их труда, чувство прекрасного.

«Эстетика же водяной мельницы, - пишет автор, - возникла на контрастной основе. Кругом дикая, нетронутая природа. Лес и луга, порожистая либо широкая «тихая» река, небо, вода и ветер. И вдруг среди всего этого одиночное, превосходно сделанное сооружение, да ещё действующее шумно и неустанно. Окружающая подобный архитектурный объект природа преображалась и становилась как-то по-особому близкой человеку».

Я не понаслышке знаю о мельницах, повидал их немало. Не забыть пруд, мельницу на речке Пырнуг. Дорога в Нижнюю Кему, в хозяйственный центр колхоза, проходила в двух-трёх метрах от мельницы. Чуть подальше - водная гладь пруда, где то и дело бултыхались рыбы; сосновая гривка на увале, песчаная дорога. Радовалось сердце каждого, кто проходил или проезжал мимо.

Едешь, бывало, по изволоку от Путилова, промчишься полями, пересечёшь борчинку, и вот она - мельница. Порушили

пруд, мельницу, и красота померкла, остались лишь воспоминания.

Я был знаком с некоторыми мельниками, да и от людей слышал, что большинство из них были трудолюбивыми, заботливыми хозяевами, знающими и любящими своё дело.

Челпановская мельница находилась в километре-полтора от деревни. Чтобы попасть на мельницу, надо было пересечь поле и низиной спуститься к реке Шарженьге. На ней и стояла мельница, на берегу - небольшой домик мельника. Торопливые, с белыми барашками воды неслись быстро, образуя поток с водоворотами.

Мельником работал Алексей Павлович Большаков - высокий, с коричневым от солнца и ветра лицом, усами, доброй улыбкой. В конце шестидесятых, когда я с ним познакомился, Алексею Павловичу перевалило за семьдесят. Родом он был из этих мест, из соседней деревушки Иваково.

Где-то в двадцатых-тридцатых годах Большаков построил свою мельницу в устье Шарженьги. Поэтому и звали его в округе Олёша Усьянский. С десяток лет Большаков поработал спокойно. В тридцать седьмом мельницу конфисковали, отобрали дом и хлев и вывезли их для колхоза «Красный маяк» в Иваково. Главе семейства грозили страшными карами, но чудом их удалось избежать, хотя тюремной похлёбки отведал.

Алексей Павлович был отцом большого семейства. В семье было четверо девок и два сына. Старший, Александр, сразу же после того, как лишились мельницы, уехал за пределы района. Алексей Павлович с семьёй переехал из Ивакова в Челпаново. Построил дом, помещение для скота. В Великую Отечественную в армию его не взяли ввиду предельного возраста.

В 1947 году (голодное время) в Челпанове решили построить мельницу. Строительством руководил Алексей Павлович.

Четыре мужика да люди, занятые на подвозке материалов, соорудили мельницу за одно лето, и проработала она более двух десятков лет.

Я частенько заглядывал к Алексею Павловичу, этому трудолюбивому, добрейшему человеку. Стены на мельнице были покрыты мучной пылью. Всюду витал ароматный запах свежесмолотого зерна. К хлебу мельник относился бережно и аккуратно. Муку заметал крылышком. Особо внимателен и чуток был к людям. Вставал Алексей Павлович ранёхонько. Устанет к концу дня, выпадет сво-

бодная минутка, вздремнёт чуток в своей каморке и снова за работу. Как-то в погожий сентябрьский день, в предвечерний час, вышли мы с Алексеем Павловичем на улочку, присели на бережок.

Всё вокруг дышало покоем. По обеим сторонам реки - расцвеченные осенью леса. Берёзовые перелески - в позолоте. Осинки, тронутые багрянцем, желтоватые тальники у самого бережка.

Беседовал я с мельником и замечал, как чутко улавливал он глухой постук пестов, слушал, как что-то выговаривают жернова, ощущал движение, работу каждого механизма. А ведь вместо себя он оставил помощника.

Много лет с тех пор отмерило время, много воды утекло в Шарженьге. Стремительно проносились дни, месяцы, годы. Уже давно нет мельницы на реке, да и самого Алексея Павловича. Но осталась о нём добрая память односельчан.

Я уже отмечал, что крестьяне строили плотины, сооружения не только на реках и речках, но и на малых ручьях.

Помнится, как в войну в пригородном колхозе «8 Марта» колесо с лопастями стояло на речке Куричиха. Само название говорит о том, что ручей этот может перебрести птица. Колесо же крутило молотилку.

Рассказывают, что за деревней Верхний Рыстюг на речушке было сооружено три плотины. В Осинове - хозяйственном центре колхоза «Каменный» - безотказно, круглые сутки работал гидротаран. Он обеспечивал водой скотный двор.

В своё время необычно решили проблему помола зерна в Куданге. Километрах в трёх от таёжной деревушки Калинкино в лесу был талик - незамерзающее зимой болотце. Летом же вода в болотце была очень холодной. Местные умельцы из толстой и длинной осины выдолбили широкий желоб. По нему вода самотёком подавалась к большому деревянному колесу с лопастями и карманами из досок. Карманы один за другим наполнялись водой, под её тяжестью опрокидывались, вращая колесо. От него посредством специального устройства (шестерён) вращение передавалось на толстый деревянный вал, который уже крутился быстро. На вал и был насажен верхний, вращающийся жерновой камень. Нижний жернов, понятно, был закреплён намертво. Мельник регулировал обороты вала. Помимо мельницы здесь же было устроено три ступы. Используя силу падающей воды, на них сбивали шелуху овса,

толкли мякину. Если агрегаты не требовались, вода отводилась в сторону.

Ну как тут не подивисься мастерству и таланту сельских жителей! Мельничные и другие плотины на малых и больших реках - давняя и замечательная русская традиция. Не настало ли время возродить утраченное? Если где зерна нет, то пусть вода небольшие турбины крутит, электричество вырабатывает. Хотя зерновое хозяйство поднимать все равно придётся. Своё зерно - это же продовольственная безопасность страны. Или хоть в прудах пусть рыбу разводят.

Живые слова живой русской речи

Так уж случилось, что с детских лет я знал, что природа загадочна и прекрасна, что жизнь без неё невысказана.

Знал потому, что об этом мне рассказывал отец - преподаватель средней школы Николай Александрович Каплин, а вместе с ним я часто бродил в окрестностях нашего небольшого городка, познавая тайны жизни пернатых и четвероногих обитателей лесов, полей и рек.

В походах, у лесных костров, в незатейливых лесных избушках мы встречались с удивительными людьми, добрыми и самобытными, трудолюбивыми, простыми и общительными.

Не переставая удивляться многообразию окружающей нас среды, я не только вел дневник, но и пытался писать небольшие зарисовки и миниатюры о природе. Старался рассказать о ней другим, поделиться радостью открытий.

Немного позднее, где-то в конце пятидесятых годов, я послал некоторые свои зарисовки и рассказы детскому писателю В.В. Бианки. Ответ пришёл очень быстро. Виталий Валентинович участливо отнёсся ко мне и дал много ценных советов.

«Искусство писания рассказов состоит в умении построить сюжет, в экономии средств (ни одного лишнего слова), в умении общаться с живым словом, - писал В.В. Бианки. - У вас намечается любовь к построению рассказов - это уже нечто. С этого нужно начинать трудное и сложное учение писателя.

На первый раз мой совет: не хватайте тех слов, что лежат рядом - только руку протянуть. Всякие эти «яркие» (а какие ещё они бывают?) лучи солнца, «родные природы». Ищите слова живой русской речи и не употребляйте слов «дохлых»: «так как» (из старых канцелярских бумаг), «ибо» (из Библии).

Доводите до полной видимости всё, что описываете: людей, пейзажи, действие.

Присылайте переработанную «Берлогу», подумайте о «Непутёвом».

Думается, что совет писателя употреблять живые слова живой русской речи заслуживает особого внимания. Конечно, об этом говорили и писали многие литераторы, критики и раньше, и ещё будут писать и говорить. Важность пользования живым образным языком трудно переоценить.

Много родниковых и точных слов можно встретить в произведениях писателя-земляка А.Я. Яшина.

В одной из записей в дневнике писателя за сентябрь 1967 года говорится: «Наступило, видимо, бабье лето. Тихо, солнечно, сухо, только ночи холодные. Вода в реке очень холодная. Листья на черёмухах побагровели - не знаю даже, что и за цвет: бордовый и ярко-оранжевый, зелень и золото. Вязы ещё зелёные и здесь, как на Тёмном мысу под Вологдой».

Разве это не чудесный дар колоритной русской речи?

Особо хочется сказать о красоте, образности, яркости и неповторимости языка сельских жителей.

В статье «В краю родникового слова» Ф.А. Абрамов пишет: «Однако, может быть, самый большой, самый непреходящий вклад «Севера» в сокровищницу национальной культуры - это слово. Живое народнопоэтическое слово, в котором полнее и ярче всего замечательная душа северянина, его характер.

«Язык народа, - продолжает учёный, - это его ум и мудрость, его этика и философия, его история и поэзия».

Тысячу раз прав В.В. Бианки, что надо находить живые, незатасканные слова. Скажем, по-разному можно выразить словами отношение охотника к обнаружению в лесу берлоги. Такое бывает не часто, так как найти берлогу так же трудно, как найти иголку в стоге сена.

- Берлога, - увидел он.

Можно сказать и иначе. - Берлога! - огла догадка.

За свою жизнь я встречал очень многих людей, с нашей точки

зрения, может, и не очень образованных. Но как они говорили, каким богатейшим языком владели!

Однажды приехал я в Кему (она расположена в юго-западной части Никольского района). В тот год, осенью, в страду, разговоров о медведе было не меньше, чем об уборке урожая. Вот что рассказал мне кладовщик из деревни Горка:

- Медведи ватагами ходят. Анохонька, покоенка, пошла по обабки на Валухи, днём встретился окаянный. До смерти перепугал, то, наверное, и преставилась.

Ребятишек Саши Бакланова на дерево загнал. Пашке Парфёнову пеньком зафитилил. А ещё к пасеке пробирался. У медведя девять песен и все про мёд.

Рассказывал про медведя и лесник с Борка.

- Услышал я, в соседней деревне медведь корове хребет переломил. Пошли мы его караулить с Ванькой Налименком. Забрался он на лесины, сел на жердочки. Просидели часа полтора, вижу - задремал сосед. Сидит, носом клюёт. А я слышу, медведь близёхонько шастает. То сушину верёхнет, то сучком треснет, то засопит...

- Ванька, проснись! - шепчу и рукой в лес показываю. - Слышь, поуркивает.

- Да это совушки тебя пугают, - сам опять кланяется...

Разговор порой похож на стихи в прозе.

И если зашла речь о медведях, поговорим о них. Испокон века крестьяне на Руси отрицательно относились к волку. Он олицетворял зло, нечистую силу и был лютым зверем.

Медведь тоже хищный зверь, бывает, и корову задерёт, и лошадь. А поди ж ты, отношение к нему совсем иное, чем к волку. Эти сильные умные звери пользовались и пользуются популярностью, особой симпатией людей. И говорить о них принято с уважением. Вовсе не случайно косолапый проказник Миша был назван эмблемой Московской Олимпиады-80. Медведь как бы олицетворяет характер русского человека. А каких только эпитетов не дано медведю людьми!

В своей повести «Лесной архимарит» известный и замечательный писатель В. Личутин (кстати, я с ним знаком заочно, получил от него письмо) пишет: «Кто ещё получил столько прозвищ и приговорищ, как таёжный дедко, тот самый лесной хозяин, что правит сузёмками от края и до края, но вдаль от человека не отступает, как бы боится остаться сиротою».

Медведь бурый ходит в народе под званьями: бирюк-зверь, чёрный зверь, лапистый зверь, лесник, раменский, урманый, ломака, ломыга, костоправ, Михайло Иванович, лешак, леший, лесной чёрт, чёрная немочь, мишка, мишук, потапыч, сернацкий барин, лесной архимарит, сморгонский студент (В.И. Даль).

Мой давний знакомый из деревни Чернцово Иван Дмитриевич Шмаков учился в школе всего один год, а сколько метких, порой крылатых слов, самобытности в его образной живой речи.

Есть у Ивана Дмитриевича увлечение - мастерить различные поделки из бересты.

- Заготавливаешь бересто для солонок и лапоточков, первым делом заботишься, чтобы не погубить дерево, сохранить ему жизнь. Подходишь к берёзе, видишь, что ровнёхонька, значит, хорошее лычко даст. А снять его тоже с умом надо. Наточишь ножичек и тихонечко надрежешь кору или легонечко топориком тукнешь так, чтобы луб не задеть. Умно то берёстышко снимешь, глядишь, живёхонька стоит берёзка, листочки зеленеют.

Или вот выдержка из рассказа охотника Н.А. Глебова:

- В войну я снайпером был, - сказал Николай Александрович. - Только прибыл в часть, выстроил нас командир и скомандовал:

- Кто охотник - два шага вперёд!

Вышло нас трое: я и два сибиряка. Подходит начальник и спрашивает:

- Как стреляешь?

- На лету воробью глаз выбью. Я ведь ещё в гражданскую воевал.

- Вижу, глаз у тебя, как у ястреба. Вот нам таких стрелков и надо, - заулыбался лейтенант.

Тут же дал мне командир задание уничтожить пулемётчика, что на костёле засел. Захоронился я в окопчик и жду. Тогда, как и сегодня, - дождь, как из собачьей головы. Промок до нитки, а лежу, караюлю.

Около полудня вижу: пробирается к церквушке немец с котелками в руках.

Дай-ка лодыря уничтожу (по всему видно, что повар). Стукнул, тот и щи пролил. Фашисты второго послали. И того на тот свет отправил.

Гитлеровец в костёле, видно, жрать захотел, выглянул, а мне того и надо. Сшиб я его, как глухаря на току.

А сколько живописных, поистине поэтических названий деревень придумали наши предки: Весёлая Грива, речка Поцелуй и Лебяжье озеро, Битый мыс и Кошачий хвост, Шаборы и Шармановка, Повечерная и Ночная.

А как ёмки, образны и точны пословицы и поговорки деревенского люда: «От Кемы до Кологрива - одна грива, мерял её Тарас, да верёвка оборвалась», «Грибов - хоть шаром покати, словно чёрт с квасом съел», «У медведя силы на десятерых, а ума на дюжину» и многие другие.

Как-то встретил я Марию Константиновну Подольскую из деревни Захарово. Ей более 90 лет было. Жила зимой у сына в Брянске. А летом приезжала на свою родину. Добрая, неугомонная женщина в течение всей жизни работала по-настоящему. Много лет возглавляла льноводческое звено. Во всей округе её так и звали - Мария-льноводка. Кстати, награждена она орденом Трудового Красного Знамени. И портрет её художник Корбаков нарисовал.

Меня очень удивляла её колоритная речь.

«Льняное поле всегда хорошо. Летом ли, когда лён цветёт и голубизна заливают нивы, осенью, в пору уборки, когда позванивают на ветру золотые бубенчики льна».

Следует заметить, что на селе удивительно точно дают человеку кличку. Каков человек, таково и прозвище.

Надо полагать, каким был человек, если заслужил прозвище Волк, Плут, Хитрый и т.д.

По прозвищу, как сейчас говорят, «кликухе» можно судить, каков этот человек, уважают ли его люди. В деревне Козловка жил замечательный человек, беззаветный труженик механизатор Михаил Николаевич Нестеров. В бригаде, деревне был всюду: у полеводов в поле и на лугах, на складах, на животноводческих фермах. Мог заглянуть и к соседям. И всегда интересовался, как люди живут и работают, в чём нуждаются. И звали его Миша Зобота. Разве это обидное прозвище?

Несколько об иностранных словах. Иногда можно обойтись и без них. Скажем, этот пресловутый «электорат», когда можно сказать по-русски «избиратели». Неужели «хобби» лучше, чем «увлечение»? Употребляются, а иногда и часто, не очень-то благозвучные слова. Разве не режет слух Никольщина? По мне, так лучше земля никольская.

В одном из стихотворений А.Я. Яшин писал:

Родные, знакомые с детства слова

Уходят из обихода:

В полях поляши - тетерева,

Летятина - дичь,

Пересмешки - молва,

Залавок - подобье мода.

«Лично для меня привлекает значимость именно уловить красоту, неизъяснимую прелесть народного речения, зафиксировать его, понять», - писал Ф.А. Абрамов.

А.Я. Яшин и Ф.А. Абрамов

Поле на холме

У костерка на Кубенском...

Сергей Владимирович Ильюшин никогда не терял связи с Вологодчиной, и вологжане чтят память земляка. В музее Можайского под Вологодой часть залов посвящена знаменитому авиаконструктору. В них экспонируются редкие документы из жизни Сергея Владимировича, модели многих самолетов его конструкции.

На площадях города стоят два памятника: один установлен на пьедестале, напоминающем самолетное крыло. Этот памятник был поставлен в центре Вологды в соответствии с существовавшим положением водружать на родине дважды Героев Советского Союза и дважды Героев Социалистического Труда их бронзовые бюсты. Второй памятник - самолет ИЛ-24, одна из первых реактивных машин советской военной авиации, - установлен по инициативе руководства города в микрорайоне ПЗ-23 на улице, носящей имя Ильюшина.

В домашних архивах вологжан можно встретить личные письма и фотографии Сергея Владимировича. Ниже мы публикуем документальный очерк Вадима Каплина о том, как проводил свой отпуск на родине знаменитый авиаконструктор.

Редакция журнала «Мезон» обращается к землякам с просьбой передавать Государственному архиву Вологодской области или областному музею хранящиеся в семейных архивах документы, связанные с именами наших выдающихся земляков. Это позволит гарантированно сохранять и приумножать сокровищницу нашей исторической памяти...

«МЕЗОН».

В Вологде, на улице, носящей имя С. В. Ильюшина, стоит краснорезный самолет «ИЛ-24». Он - из первых наших реактивных военных самолетов. Легендарных «ИЛ-2» и «ИЛ-10» - «летающих

танков» - как огня боялись гитлеровцы в Великую Отечественную войну. Были и другие «ИЛы». Так, «ИЛы» четвертые совершали налеты на Берлин еще в начале войны.

А межконтинентальный лайнер «ИЛ-62» с годами стал флагманом Аэрофлота.

Многие вологжане хорошо знали Сергея Владимировича, часто встречались с ним. Одним из них был заядлый охотник, шофер Вениамин Михайлович Гагарин. И каждый раз, когда авиаконструктор приезжал в Вологду, он встречался с Вениамином Михайловичем. Поездка на родину была для Сергея Владимировича праздником.

- Ильюшин, - рассказывает Вениамин Михайлович, - был простым, скромным, обаятельным человеком. А его увлечением, лучшим видом отдыха были утиная охота и рыбалка.

Обычно о своем намерении приехать на родину Сергей Владимирович сообщал Вениамину Михайловичу заранее. Посылая письмо другу, он был уверен, что тот разделит все его заботы и хлопоты. В семейном архиве Гагариных сохранились письма Сергея Владимировича. С их любезного разрешения приведу некоторые из писем:

«Вениамин Михайлович! Очень хочется знать, как вы провели открытие охоты, где охотились и сколько взяли? Я 18 и 19 августа охотился под Калинином - с подъезда. Там только один вид охоты. Было очень тихо - штиль, а утка не подпускала близко. Но очень много утки. Мы с Сережей (сын С. В. Ильюшина - В. К.) на двоих взяли шесть штук.

Но я люблю охоту на уток осенью. Днем в шалашике на чернедь, а утром, и особенно вечером, на перелете - по крякве. Я Вам пишу как раз по этому виду охоты. Я хочу приехать в Вологду на 8 - 10 дней в конце сентября (с 20 сентября по 8 - 11 октября). В это время у нас на Шелине охота плохая. Так вот я и обращаюсь к Вам - где бы лучше поохотиться? Я слышал, что очень хорошая охота бывает в районе истока Сухоны. Но верно ли, не знаю.

В Пучкасах теперь с каждым годом охотников все больше и больше, а утки все меньше и меньше. Вы знаете, что я ходить далеко не могу - хорошо бы на лодке можно было подъехать, а из лодки прямо в шалаш. Такое расстояние, как мы с Вами ходили от дяди Миши (колхозный кузнец, охотник-любитель Михаил Александрович Васильев - В. К.), без лодки мне теперь не преодолеть.

В Деляево я, видимо, не поеду: там охота осенью плохая. Чернеди очень мало, да и та идет пролетом.

Прошу Вас ответить на мое письмо по возможности скорее. Привет Вам и всей Вашей семье. Сергей Ильюшин. 22 августа 1964 года».

А вот еще одно письмо.

«Вениамин Михайлович! Шлю Вам привет и сердечные пожелания. Я собираюсь в сентябре - октябре быть на родине. Поэтому мне нужно знать, какова дорога от Ярославля до Вологды, и можно ли проехать от Кубенского до Диляева на «Волге». В прошлый раз дорога была плохая в трех местах. Как нынче насчет воды в озере - много или мало? Если много, то хорошо. Можно охотиться на нашем берегу против нашей деревни. Ездите ли на рыбалку, и каковы уловы?

Привет Вашей жене и детям. Сергей Ильюшин».

Сергей Владимирович очень любил природу, бережно к ней относился. Друзья, отдохнув чуток в его домике, отправлялись на рыбалку или охоту. Проводили ночи у костра на берегу Кубенского озера. У костерка, чадающего дымком, дышащего жаром, можно было посидеть и помечтать, поговорить о предстоящей охоте, послушать голоса ночи. А над огнем, конечно же, висел с закопченными боками котелок с лесным варевом или варилась уха из свежей рыбы.

С.В. Ильюшин. Фото А.П. Кузнецова

А затем темнотень, мало-помалу переходящая в рассвет. За разговором ночь проходила быстро и незаметно. Раным-рано, до солнышка, просыпалось птичье царство. С озера из камышовых зарослей доносились птичьи голоса, а порой слышался посвист поднявшихся на крыло утиных стай.

Канючили чайки. Шумно махая крыльями, своим ныряющим полетом пролетали хохлатые птицы чибисы. Сторожкие кулики-сороки бегали по берегу, иногда пролетали грузные, ожиревшие за лето крякуши. Все это очаровывало, доставляло огромное удовольствие и было так нужно создателю самолетов, человеку, утомленному и огромной работой, и колоссальной ответственностью...

В живописных местах Кубенского озера немало дней и ночей провели у охотничьего костра академик и рядовой труженик... Диляево, Пучкаса, Шелин мыс и другие заветные места. После утренней зорьки так хорошо посидеть у костра, как бы заново пережить волнующие моменты охоты, помечтать и поразмышлять в родном гостеприимном краю.

Об этих незабываемых поездках долго еще будут напоминать любительские фотографии. Некоторые из них мне довелось видеть. На одной из них Ильюшин у укрытого ветвями ивы и осокой охотничьего скрадка-шалашика гоняет чай, на другой - домик Сергея Владимировича в Диляеве (сейчас домик взят под охрану - В. К.). А вот Сергей Владимирович в куртке, сапогах-броднях, шапке-ушанке, с ружьем и трофеями после удачной охоты. И еще снимок. На нем - два Сергея: сыновья В. М. Гагарина и С. В. Ильюшина.

В знак дружбы авиаконструктор подарил Гагарину изящное двуствольное ружье с гравировкой, резьбой по дереву, отличным боем.

Поле на холме

Жизнь вся, насквозь великое дело незаметно маленьких людей, не скрывайте их работу, покажите ее... Земля сильна трудом людей.

М. ГОРЬКИЙ

К вечеру ветер уgomонился. Лес успокоился, затих. Польшал закат, такой же багряный, как расцвеченные сентябрём верхушки осин.

Удобно устроившись на лабазе, я прислонился к стволу шершавой ели, словно к спинке стула, и вслушивался в настороженную тишину леса. Деревья и кустарники, казалось, уже задремали. И только продолжали трещать и квохтать неугомонные дрозды-рябинники. Внизу подо мной начиналось овсяное поле - такая небольшая кулижка. Крохотный пятачок земли, лесную полянку который уже год засевали овсом сами охотники. Нынче сеяли поздно. Овёс был густой, высокий, но ещё не совсем вызревший. Всколыхнулись воспоминания. Память уносит в далёкое прошлое. Никак не выходят из головы незабываемые дни детства. Не зря говорят: с возрастом прошлое видится яснее.

И у меня словно комок застрял в горле. Верится и не верится, что здесь, на холме, лет сорок назад - да и позднее - было настоящее, в несколько десятков гектаров поле. Над ним по вёснам звенели жаворонки, летом голубизна заливала ниву - цвёл лён. Или шептались на ветру, никли к земле усатые колосья ржи. А потом, по осени, в пору бабьего лета - и до настоящего снега, до ноября, стояли на нём золотистые скирды необмолоченного хлеба, заботливо укрытые соломой. Под ними находили убежище маленькие, но свирепые хищники - мышеловы горностаи и ласки. А по утрам сюда прилетали кормиться доверчивые табунки полевых рябчиков - серых куропаток, которых сейчас днём с огнём не сыщешь. Сколько раз не в шутку, всерьёз спрашивал меня егерь Кузнецов, что это за птицы такие: серые куропатки.

Я знал, что на этом поле никогда не было ни трактора, ни комбайна. Это потом, позже появилось много техники. Но тогда же и запустело, заросло лесом поле на холме.

Догорал погожий осенний день. Где-то внизу, в закрайке пашни резко закричала ночная птица, верехнул сухару косолапый. И я перевёл взгляд на высокие деревья, что группами и в одиночку разбежались по увалу, наступая на пашню. И сходили берёзы и ели под уклон к бережку тихой, почти не приметной в зарослях речушки Холмовицы.

* * *

Иван Алексеевич Сакулин в 1925 году приехал с сыновьями не на готовое место. Поначалу пришлось вырубать лес, который взвился уже в небо.

Построили избу, рубили подсеки-новины, выжигали их, раскорчёвывали пни и сеяли по гарям. Построили избы и сыновьям - Михаилу и Николаю. Потом было сселение починков. И оба сына переехали в деревню. А Иван Алексеевич был уже в годах, от переселения отказался, так и остался на хуторе. Хозяйство его состояло в колхозе. Он выращивал жеребят. Иногда на хутор пригоняли пастись коров, а однажды даже завезли птицеферму. Однако куры воровались - несли яйца в лесу, по кустам, и их пришлось отвозить в деревню. Кроме всего прочего, семья выращивала хлеб на поле, заготовливала много сена. На дальние покосы приезжали колхозники из Коныгина. Но пока они добирались до починка, Иван Алексеевич и его дети уже успевали нарабататься. То выкосят дербу, то поломают осинового листа, позаготовливают дров на зиму. Хозяин хутора был хорошо знаком с моим отцом, который по осени, начиная с сентября, на каждый выходной вместе со своими товарищами-охотниками приходил сюда. Охота на зайцев с гончими была их увлечением, и ей отдавалось почти всё свободное от занятий время.

Ни промозглая непогодь, ни нудные осенние дожди, ни распутница, ни снег, ни заморозки - ничто не могло удержать охотников от их походов. Не зря говорят: «Охота пуще неволи».

Мой отец держал двух гончих: костромича Урняя и русскую гончую Лютню.

Уже в субботу, во второй половине дня, отец облачался в свои охотничьи доспехи: надевал кожаные чулки-бахилы (их носили с лаптями), опоясывался патронташем, брал рюкзак и сумку (всё это приготавливалось загодя) и, встретившись на мосту через реку Юг с товарищами, шагал знакомыми местами.

Отец - Николай Александрович - был учителем, по-деревенски,

наставником. Он преподавал химию. Отец хорошо знал предмет, доходчиво объяснял любую тему. Не случайно выпускники школы поступали в лучшие учебные заведения страны. Но что греха таить, была у отца слабость: любил перед выходом на охоту пропустить стаканчик-другой. А это никак не устраивало его товарищей. Выпивши, отец шёл тише, а то и вовсе отставал. Оставлять же в пути товарища не полагалось.

- Дойдём до места, до хутора или до избышки-зимницы, тогда - пожалуйте, - убеждали его охотники.

Но отец не внимал доброму совету. Товарищам оставалось одно: на время пути конфисковывать у него крепкие напитки и возвращать их там, в лесу. Но и в этом случае едва отец заходил в летовище, как уже был «под мухой». Оказывается, накануне, а то и раньше, он приходил сюда знакомой тропой и в укромных местечках у осека, под деревьями, в зарослях пожухшей травы устраивал тайнички и приворачивал к ним по пути. Пропускал стопочку-другую...

Попасть на Сакулинский починок можно было несколькими путями. Например, по Барошной дороге (правильнее было бы назвать её балочной, так как по ней возили раньше балки, клёпку), через Патрачихи (название больших пожен), через «Карпаты» (холмы Северных Увалов) с выходом на Кемскую дорогу и, наконец, через речку Погорелицу, Олин лог (Оля-Александр) - и по просеке. Последний вариант был самый близкий и интересный. Большую часть пути приходилось идти охотничьими тропами, глухими местами, дербами и ельниками начавшегося сузема. Просека упиралась прямо в поле. Однако она давно не расчищалась, а когда пересекала небольшое, заросшее осокой болото, то тропа и вовсе терялась. На другом конце болотца её находили наугад, но ошибались редко. Так или иначе, но, чтобы попасть на хутор, любой дорогой надо протопать больше десятка километров.

Гончие у отца и его товарищей были знатные, славились по всей округе, и потому очень редко охотники возвращались из леса без добычи. Вблизи зайцы были напуганы: много раз их гоняли, - и собак обычно спускали за речкой Погорелицей, где-то на половине пути до предполагаемого ночлега. Насидевшись на привязи, собаки носились по лесу, как угорелые. Охотники покрикивали, подбадривали своих надёжных помощников. Осенью по снегу зайцы лежали крепко, западали так, что не скоро поднимешь. Но на то и собаки. Чёрный, с рыжеватыми подпалинами Урнай был

широк в полазе и, казалось, выкапывал зверьков из-под земли. Он поднимал беляка где-нибудь в закрайке пожни, на покосе или на вырубке, в мелколесье среди густолапых молодых ёлочек-сестричек. Урнай начинал навзрыд, потом переходил на бас. Тотчас к нему с визгом пристраивалась Лютня. И пошла писать губерния! Осенний, раздетый ветром-листобоем лес оглашали голоса гончих.

- Во молотят, - радовались охотники.

Думается, что только охотники-гончатники по-настоящему могут понять, оценить, что такое гон. Для них это истинное торжество, радость.

Как только собаки поднимали зайца, отец старался определить лаз зверька, выбрать наиболее подходящее место, где-нибудь в редколесье, в лесном промыске, и очень часто просто на лесной дороге. Почти всегда беляк уводил собак со слуха. Но проходило время - и снова, вначале едва-едва, доносился бас Урнай. И уж потом, через минуту-другую, слышалась флейта Лютни. Обычно заяц возвращался к месту своей лёжки. И вот он стрелой летит по дороге, по лужам, вздымая брызги, прямо на отца. Но вдруг (как часто это бывает) - ни с того ни с сего, за пределами верного выстрела - зверёк круто поворачивал, делал скидку и уже далеко мелькал белыми, как снег, «штанами». Собаки проносились мимо, скальвались, но тут же поправлялись и продолжали преследовать косоного. А тот мчался без задних ног, хитрил, делал скидки и сметки, западал. Лютня и Урнай находили его снова, наконец раскатисто гремел выстрел и торжественно разносилось по лесному окоёму: «До-шё-ёл!». Хотя так бывало не всегда.

На охоте отец изматывался (подводило здоровье), едва плёлся до дома. А когда заходил в комнату, устало садился на стул и долго не мог подняться.

- И отступил бы, чем так себя мучить, - говорила мать.

- Всё. Больше не пойду, - заверял отец.

Но проходило два-три дня, и вечером отец опять садился за охотничий столик, не торопясь раскладывал на нём патроны, картонную коробку с капсулями, дымный порох «медведь», дробь.

Тотчас к отцу подходили Лютня и Урнай, виляли хвостами, ласково и преданно смотрели на хозяина, словно догадывались, а может, и в самом деле понимали, что вновь предстоит охота...

В сорок втором я учился в шестом классе. Отца уже не было в живых, война разбросала по фронтам и его товарищей. Жили

трудно. Урная перехватили на гону волки. Со слезами на глазах пришлось расстаться с Лютней. Её продали одному деревенскому охотнику за пуд хлеба - нам нечем было не только кормить собаку, но не хватало хлеба и самим. Однако в те годы ходил я с ружьём отцовской тропой на Сакулинский починок. Стрелял рябчиков, иногда удавалось добыть тетерева или даже глухаря. И дичь никогда не была лишней.

Недавно ездил я в Вологду.

- Дима, сходи, купи батон, - сказала внуку его мама. Не прошло и пяти минут, как на столе появилась белая булочка.

Как это просто сейчас: купить буханку ржаного хлеба, сайку, булочку, пирожки. Об этом никто даже не задумывается. А ведь так было не всегда.

Когда я шёл на хутор, в моём рюкзаке была разве что краюха чёрного хлеба, да и то не всякий раз.

В школе мы с нетерпением ждали большой перемены, когда нам, городским школьникам, выдавали по маленькому, величиной со спичечный коробок, кусочку ржаного хлеба. Его можно было проглотить целиком, но мы откусывали крохотными дольками, смаковали. Если кто-либо не приходил в школу, то хлебушек клали в парту. Там он мог пролежать сколько угодно, и его никто не взял бы. Кроме учёбы в школе, на каждом из нас, подростков, были такие заботы: весной в половодье наловить на реке дров, снести их с реки домой, распилить и расколоть. Помочь родителям вскопать или вспахать на себе, запрягшись в плуг, огород, посадить картошку и овощи. А ещё мне надо было заготовить для козы, принести из леса сотни две-три вязанок листа, наносить на долгую зиму грибов и ягод. Летом мы работали в колхозе. Но что значат все эти хлопоты и заботы в сравнении с тем, что было там, на фронте.

На починок я шёл обычно отцовской тропой по лесным дорогам и просекам. Стороной обходил завалы, бурелом, поваленные деревья, прыгал с кочки на кочку, продирался сквозь заросли ивняка, стараясь не сбиться с пути, не потерять из виду просеку.

Отец рассказывал, что здесь, около болотины, водилось много зайцев-беляков и обитало рысиное семейство. И потому было страшновато. И как только я оставлял позади это страшное место, от сердца отлегалось. словно камень с души сваливался.

На хутор приходил я обычно под вечер. Ещё издали замечал

приветливый огонёк, сизый дымок над крышей: вечером топили печь-лежанку.

Звонким радостным лаем встречала меня маленькая чёрная, незлобная собачка-дворняжка Кукла.

Я оставлял в сенях разряженное ружьё и заходил в избу.

- Давай, проходи да сказывай, чей да откуда, - говорил Иван Алексеевич. - Ну как там, на фронте, что там у вас в городах нового? - интересовался хозяин.

И я рассказывал ему всё, что знал. Хозяйка Мария Ивановна - рослая, по-крестьянски крепкая, с сильными натруженными руками женщина - хлопотала по дому, управляясь со скотиной. Потом все садились ужинать.

- Давай за стол, охотник, - приглашал Иван Алексеевич. Хозяйка накрывала стол чистой скатертью, вынимала из печки горячие, наваристые щи с крупой-заспой, жаркое в глиняной плошке, ставила кринку-другую топлёного молока.

Перекрестившись, хозяева садились за стол, за ними - их четверо детей и я. Иван Алексеевич сидел в красном углу и, держа в руках каравай подового ржаного хлеба, ножом нарезал его ломтями.

Тогда один запах хлеба пьянил. И только за то, что удавалось его отведать, за ужин я готов был пройти не полтора десятка километров, а целых сто.

В горнице было тепло и уютно. И всё-таки после ужина я забирался на тёплую печь. Там сушились валенки, иногда и рожь. Быстро и сладко засыпал. Обычно меня будил крик горластого петуха.

Когда просыпался, Иван Алексеевич был уже на ногах. По старинной крестьянской привычке он и осенью, и зимой вставал ни свет ни заря. В избе стоял смолистый запах лучины. Хозяин, в пёстрой домотканой рубаше в клеточку, в фартуке, уже успел заплести лапти. Был он высок, с истинно русскими чертами лица, с седой, окладистой бородой - точь-в-точь такой, какую я видал на репродукциях портретов Льва Толстого. Голубоватые глаза с лукавым стариковским прищуром светились молодо, лучисто, хотя Ивану Алексеевичу было уже далеко за шестьдесят.

Его трудовая жизнь начиналась с поля, с лошадки по кличке Бурка, с сохи и лукошка. И был он настоящим крестьянским пахарем, сеятелем. В поте лица своего выращивал хлеб в поле на холме. Он хорошо усвоил одну истину: главное для крестьянина,

да и не только для него, - это труд. Земля была источником жизни. И потому выращивать хлеб - дело для настоящего пахаря святое.

Конечно, Иван Алексеевич никаких институтов не кончал, но он, как и другие истинные землепашцы, прошёл свои «университеты», свою школу жизни. И, как мог, боролся за урожай. Старый хлебороб понимал толк в повышении урожайной силы земли. Наши северные подзолы скудны и бедны гумусом - перегноем. На Кубани образно говорят: «Воткни в землю оглоблю - вырастет тарантас». У нас же хоть сколько оглобель втыкай - тарантас не вырастет. Нужен навоз. Много навоза. А где его тогда было взять? Конечно, всё, что получали от скотины, шло в дело. Собирали золу. А больше хоть разорвись, хоть убейся - взять негде. Но было и другое, от чего зависело формирование урожая. Это сорта зерновых культур, сроки сева, качество полевых работ. Предпочтение отдавалось озимой ржи. Не случайно её называли хлебом севера. Хорошо рос овёс - тоже неприхотливая культура. Достоинствами ржи и овса было то, что они стойко переносили холода и другие невзгоды нашего северного края и давали хорошие урожаи. Уже в те времена, и Иван Алексеевич это знал, славилась рожь «вятка», овёс «шатиловский». Эти сорта и старались сеять. Не хотелось бы повторяться, потому как это банально, сказано-пересказано, писано-переписано, но и не сказать об этом нельзя. Иван Алексеевич, как истинный хлебороб, любил свою профессию и труд на земле. Думается, что именно в этом суть русского крестьянина, смысл его жизни.

Поле на холме, лес и речушка - что ещё могло быть ближе крестьянину? Не понаслышке знал он и ощущал потребность в народных приметах, особенно в тех, которые имели прямое отношение к его ремеслу: «Раннее яровое сей, когда вода сольёт, позднее - когда рябина зацветёт», «Сеют не раньше, чем оттают луга, да если на пашне не мёрзнет нога», «Землю согрело - не опаздывай с севом», «Кто первым сеет, тот первым и собирает», «Дождь в мае лишним не бывает - хлеба поднимает», «Рожь в сырую землю не сей: обожди часок, да посеи в песок», «Посей рожь, а васильки сами вырастут».

Сеять вешнее Иван Алексеевич выезжал, когда жаворонки в небе вовсю запоют. Поле на холме хорошо прогревалось солнцем, и здесь раньше, чем на других полях, почва поспевала для обработки.

Весной сон старого человека особенно чуток. Нарботавшись до устатку за долгий майский день, Иван Алексеевич чувствовал ночью, как ноют ноги и руки, постреливает в поясице. Он садился на кровать и, свесив ноги, долго растирал колени.

- Поди, мать, и вставать уж пора? - вполголоса спрашивал дед, слыша, что и Мария Ивановна не спит, ворочается с боку на бок.

- Полежал бы ты, батько, ещё хоть часок. Куда в такую рань? Иван Алексеевич ложился снова, но сон не шёл, и поднимался он раным-рано - со вторыми петухами.

Первым делом шёл к своему «коньку-горбунку». Едва открывал дверь закутка, Бурка тянулся к хозяину, норовил лизнуть его руки шершавыми толстыми губами.

Бурка не был похож на тяжеловеса Битюга с толстыми, как брёвна, ногами. Невысокий, тёмной масти, с выразительными лиловыми глазами, он был достаточно проворен и резв.

Бурка был первый помощник в семье во всех крестьянских делах. Без него, наверное, и не прожить бы на хуторе. Привезти ли из леса дровишек, сена ли воз, осинового листа, съездить ли в деревню или в город - всё на лошадке. И надо было видеть, с какой заботой Иван Алексеевич ухаживал за своим питомцем. А это требовало времени и большого труда. К лошадке, не как к другим животным, приходилось ходить и ночью.

Иван Алексеевич в поле выезжал рано, когда солнышко ещё только вставало, когда пели птицы, а в низине у изголовья поля висел над землёй белёсый туман.

Рано утром, когда просыпались птицы и земля тоже, крестьянин чувствовал особенно ошутимо её голоса, её дыхание. Бурка тасил плуг, шёл ровно, и до блеска отполированный лемех наизворот, пласт к пласту укладывал землю.

Вслед за плугом (обычная картина) споро и деловито вышагивали расторопные глазастые вороны. Своими толстыми клювами они собирали червей и хрущей... А вот грачей на поле не было. Эти птицы в глухом лесу не живут. Зато по свежевспаханной земле проворно сновали пигалицы: чибисы, скворцы. Своим ныряющим полётом вслед за лошадкой подлётывали трясогузки, другая птичья мелкота. Птахи тоже отыскивали червяков и другую живность.

Тасить плуг лошадке было нелегко. Через несколько часов работы Бурка уставал, тяжело дышал, останавливался.

- Ну что же ты, милый, - хлопая ладонью по загривку, говорил хозяин и давал лошадке отдохнуть.

Уставал и пахарь. Но трудиться в поле было светло и радостно. Конечно, в жизни крестьян были и горести, но в работе на земле они быстро забывались.

С посевом не медлили. Вспаханный участок засевали из лукошка хозяйка и её старшие дочери. Затем посевы боронили на лошадке. И когда сев завершали, Иван Алексеевич оглядывал поле, низко кланялся ему и, перекрестившись, говорил: «Теперь что Бог даст».

Но и через день-два поутру, на солнцевсходе, старый человек приходил на поле, останавливался у его изголовья. Полосы уходили вдаль, к лесу. Остро, как-то по-особому пахло хмельным духом весенней земли, свежего утра. Иван Алексеевич молча глядел на засеянное поле и улыбался, по-детски ему радуясь. Сакулины радовались каждому благодатному дождю, каждому солнечному деньку, тёплой погоде.

Теперь можно было терпеливо ждать, когда появятся зелёные шильца-всходы в поле на холме, когда посевы наберут силу, заколосятся, нальются зерном, когда созреет урожай и будет стоять над нивой ни с чем не сравнимый, дивный запах спелых хлебов. И сколько вот таких вёсен было у него! А потом очень скоро наваливались и другие дела-заботы: сенокос, жатва. И пахнущее свежим хлебом духмяное поле с синими васильками в придачу, и увесистые усатые колосья ржи, добрый урожай - всё, чем одарила пахаря земля-матушка за заботу о ней, было для него самой лучшей наградой за многодневный труд, за бессонные ночи, за хлеборобскую верность полю на холме.

Как и полагается настоящему землепашцу, Иван Алексеевич никогда не занимался охотой, не признавал её, ибо знал, что испокон веку никто в деревне не жил хуже охотников, которых называли бобылями. Пахарю недосуг шляться по лесам. Но природа, родные места были ему любы и дороги. Я не раз видел, с каким восторгом он стоял у своего дома, слушал доносившееся с поля бормотанье краснобровых косачей или скрип коростеля во ржи, как трогательно и сердечно, сняв с головы свой серый картуз, провожал в дальнюю дорогу журавлиный клин...

И я точно знал, что все эти маленькие житейские радости: приход весны, труд в поле на холме, сенокос на лугах и жатва, пахарёк* в поднебесье - приносили ему счастье и радость бытия.

* Пахарёк - жаворонок.

Потому, что был трудолюбив и мудр этот замечательный, с чистой и светлой душой, с лёгким сердцем земледелец-труженик.

Только где-то в начале шестидесятых, когда крестьянин устал, он перевёз избу в деревню, оставив людям избушку с печкой, чтобы охотники, косари или другие, ненароком попавшие на починок люди, смогли переночевать в тепле и уюте.

Выросли дети Сакулиных: старшая Александра Ивановна и младшая Мария стали учителями, Сергей - механизатором, Лидия - рабочей.

* * *

...Вот и закат угас. Солнышко ушло на покой. В далёком небе мерцали звёзды.

В тот сентябрьский вечер медведь на пашню не вышел, да о нём и не думалось. Наплывшие воспоминания всколыхнули душу. Давным-давно хутора нет и в помине, как нет в живых и Ивана Алексеевича Сакулина, и его супруги Марии Ивановны, о которых не только я один ношу в душе добрую память. Через призму прошедших лет, которые промчались быстро, я вспоминаю те, ставшие далёкими, годы своего детства и юности, поле на холме, его хозяев, своего отца, брата Тему, погибшего в первые же дни войны в Западной Белоруссии под Волковыском, - и всех его юных товарищей из Никольска, которым не суждено было вернуться домой. Так распорядилась война. Вспомнил свою мать-учительницу Софью Андреевну, которая, отрывая от себя кусок хлеба, отдавала его мне, заверяя, что она уже пообедала. А мать не только учила детей, но и носила с реки на своих худеньких плечиках тяжёлые брёвнышки, а весной вместе с соседями впрягалась в плуг. Конечно, доставалось и нам, детям войны. Трудное то было время. Но каждый готов был пойти на любые жертвы и лишения - лишь бы помочь скорее одолеть врага. Думается, что многие из нас в неоплатном долгу перед такими тружениками, как пахарь и сеятель Иван Алексеевич Сакулин, перед другими землепашцами России, которые выращивают хлеб. А без него вряд ли сможет прожить на земле хоть один человек.

Стожок

Козу Майку мы купили - не то слово - выменяли у Дарьюшки, пятидесятилетней краснощекой высокой женщины. Много лет она была технической служащей в детском доме. Дарью Тимофеевну знали многие как работающую, любящую детей женщину. За белую с рогами скотинку мы отдали новое зимнее пальто отца, после того как он скончался. Пальто было фабричное, из тонкого черного сукна, название которого - кастор. Воротник был тоже черный, из кудреватого барашка. Конечно, пальто могло бы сгодиться и для моего старшего брата Темы, не помешало бы и мне. Но мы с мамой решили сохранить себя, не жить впроголодь, а о тряпках, пока шла война, не думать. И забегая вперед, скажу, что поступили правильно. Дарьюшка же приобрела пальто для своего единственного сына Федора, в котором она, одинокая мать, души не чаяла. В то время ее Федор, как и его сверстники, был на фронте. Потом в Белоруссии попал в партизаны. После войны там и остался. Даже фамилия у него стала не Синицин, а Синица - по партизанской кличке.

В то время коз еще не называли сталинскими коровами. Но наша Майка очень смахивала на небольшую коровенку. Ее мордашка с рогами, похожими на вилы, была симпатичной, белая шерсть лоснилась, а еще у Майки было большое вымя. С отела Майка давала по 3,5-4 литра молока. Оно было очень жирное и вкусное. Этого молока нам хватало. И, наверное, то, что когда многие недоедали или ели что придется, я свой желудок сохранил до весьма преклонных лет именно благодаря Майке.

Козу, как и любое живое существо, надо было кормить. Летом проще - выручало пастбище. На долгую зимушку, у которой, как говорила Дарья, «рот велик», надо было запастись много корма. Заготавливали зеленые веники из веток березы, ивы, других лиственных деревьев. Самыми хорошими вениками для коз и овец считались осиновые. Но хороших осин близко не было. Приходилось идти за Мокруши, на Воронихи, к речке Погорелице, за несколько километров от Никольска.

Срубишь осину, наломаешь пучок веток, и на веревку, потом другой, третий. Наберешь их ношу, взвалишь на плечи и тащишь домой. Если заготавливали осиновый лист еще дальше,

где-нибудь у Олина лога (Оля - Александр), то вязали вязанки, просушивали их и укладывали в стог, укрывали его. Привозили этот корм зимой на санках. С первого года войны летом я работал в пригородном колхозе, ветки было заготавливать некогда, и корма на зиму не хватало.

Как-то в середине августа мы ходили на Сакулинский починок за малиной. Сергей, сын хозяина Ивана Алексеевича Сакулина, свел нас на вырубку, и мы набрали этой сладкой ароматной ягоды больше чем по ведру. Когда шли обратно, я заметил, что за полем на выгорках - старых новинах - осталось немного некошенной травы.

А что, если ее скосить?

Как раз в это время к стогам сена, заготовленного колхозниками, подошла комиссия, которая окладывала сено. Окладывала - значит, на глаз определяла сколько центнеров сена в том или другом стоге.

В комиссии были председатель и бригадир, члены правления. Я подошел к ним, поздоровался и спросил, нельзя ли покосить травы по кустикам на выгорках.

- Надо разрешить, у парня-то отец умер, да и старшего брата убили на фронте в первые дни войны, - замолвил словечко Иван Алексеевич.

- Коси, жалко что ли, также пропадет трава, уйдет под снег. Да какая там и трава-то, - сказал председатель. - Одно слово, осенец.

Я обрадовался, поблагодарил добрых людей. Уже на следующий день побежал в сельповскую лавку, выбрал по себе косу, не очень большую. А наутро собрался, завернул косу в тряпку, аккуратно обвил липовым лычком, которые у меня всегда были про запас. Они годились вязать березовые веники для бани, подвязывать к жердочкам помидоры и для других надобностей. Косу нес в котомке за плечами.

Вечером был на хуторе. Иван Алексеевич насадил, приладил косу на косовище. Сделал к нему курок - короткую палочку, за которую держат косу правой рукой. А еще отбил лезвие специальным молоточком на бабке-наковаленке.

Рано утром я был уже в заветном местечке. Не зря говорят: «Коси коса, пока роса». Отмякшую от росы траву косить легче, да и лезвие косы меньше тупится.

Учиться косить мне на этот раз не пришлось. Школа эта была пройдена еще в начале войны, когда я упросил председателя

колхоза «Вперед» В.П.Берсенева принять меня на лето поработать. И даже ездил на дальние покосы, на речку Усовку, где на круглой, как блюдце, пожне Сквородке мы жили всей бригадой в шалаше, крытом еловой корой.

Коса шла легко, и отмягшую от росы траву срезала, словно бритва. Я подкосил несколько лесных полянок с самыми молочными травами: мышиним горошком - растением с узкими резными листочками, диким лесным клевером - дятлиной, правда, розовые его головки давно порыжели, и еще какими-то растениями с яркими желтыми цветами. А мелкая травка - листушник - милое дело для козы.

Когда присел отдохнуть, увидел на желтых цветах сразу несколько шмелей - особо любимых мной созданий. Любимых потому, что шмели очень трудолюбивы, а еще могут опылять клевер, ятрышник и некоторые другие растения, которые наши домашние пчелы из-за короткого хоботка опылять не могут.

Меня подняли с земли берущие за душу клики летевших на юг журавлей. Их караван шел высоко в поднебесье и, как всегда, клином. Птицы прощались с родными местами, кричали печально, уныло. И эти грустные клики бередили мне душу. Я все еще стоял и прощально махал рукой. И мне казалось, что птицы уносили с собой и что-то мое, родное. Может, частичку моего сердца, души, то ли нелегкое прошедшее лето, которое уже не вернется. Лето, конечно, придет и на следующий год. Но таким, как нынче, не будет - никогда не бывает одинаковых утренних зорь, дней, недель и месяцев. Проводив журавлей, прошелся по закрайку ржаного поля, которое было за перелеском. Покосил там в нескольких местечках. В конце поля увидел лежащие на земле деревья с обломанными сучками. Они были свалены крест-на-крест или сикось-накось, сказали бы мы, пацаны. Но под деревьями выросла трава. Где косой, где серпом я срезал ее, сложил в кучки, прикидывая, на сколько дней хватит этого корма нашей Майке. Решил, что недели на две, на три.

А деревья были срублены потому, что тут колхозники заготавливали лист для овец. Погода стояла солнечная и тихая. Но днем задувал ветерок, который угомонялся к вечеру. Это был верный признак устойчивой хорошей погоды. Впрочем, ветерок был даже мне на руку - лучше сохло сено.

Ветер срывал с деревьев желтые листья. Желтые потому, что вокруг были колки и березовые рощицы. Лист, опаленный первы-

ми утренниками, схваченный инеем, то рыжим, то золотистым ковром устилал пожни и перелески, шуршал под ногами. И хотя травы уже пожухли и съезились, наполовину высохли на корню, попала и сочная прозелень. Приходилось каждый день не по одному разу ворошить сено, переворачивать его снизу вверх.

Удивляться тому, что трава плохо сохла, не приходилось. Старики говаривали: «С Ильина дня (2 августа) сено за кустом не сохнет, вода от камешка стынет». А сейчас не только Ильин день миновал, так и Михей-тиховей на носу. 29 августа третий Спас, когда не только рукавицы, шубу надо брать в запас. И все-таки сено я высушил. Правда, пришлось часть его выносить на пожню, раскладывать вдоль опушки леса, где летом и травы-то не было - спалило солнце.

Я успел заранее подготовить место для стожка, вырубил жерди-стожары, приготовил рогатые, как вилы, подпоры из толстых ив. Место для стога выбрал недалеко от лога, на полянке, там, где начинал косить.

Подстожье на трех бревнышках, которые положил поперек будущего стога, поднял повыше, так чтобы там гулял ветерок. Сено старался укладывать равномерно, а когда стожок вырос, стал очесывать его граблями. Сверху сено закрыл высокой соломистой травой, которую накопил и принес с вырубок. Стожок получился на два небольших промежка. Посредине каждого из них положил связанные в вершинах березовые вицы. Это для того, чтобы сено садилось ровнее и его не разносил ветер. Стожок получился хотя и невелик, но аккуратен. И я долго ходил вокруг, подгребал крохи сена на земле и любовался творением рук своих. Ведь это был мой первый в жизни стог сена. И каждый раз осенью, когда приходилось бывать поблизости на охоте, я приворачивал к своему стожку, сколько мог засовывал в него руку и проверял не «горит» ли сено.

Нет, все было в порядке. Сено мне обещал привезти Иван Алексеевич, как только установится санный путь.

Где-то в начале ноября пошел проверять самолосы на куниц по своему путику - охотничьей тропе. Снегу уже было по колено. Наверно, и можно было сено вывезти, да хозяин хутора заболел. На лыжах вышел в середину лога и увидел, что стогов сена в его нижней части уже нет. Подошел поближе. От места, где стоял первый колхозный стог, санный след тянулся в

сторону выгорка-новины. И сразу все понял. Стожок-то мой увезли в колхоз...

Пришел на поляну, оперся на лыжные палки, задумался. Подпоры стожка, стожары валялись на снегу. Сено грузили на сани небрежно, и несколько пластов его были разбросаны по сторонам. Уже пережив первое недетское горе - потерю близких мне людей, - я не столь болезненно воспринял случившееся. Конечно, мне было жалко потерянных дней, своего труда, сена, которое было так нужно, чтобы прокормить козу и выжить. Но мне больше, до слез было обидно, что меня обманули, наплевав в детскую душу.

Потом я не раз заготавливал сено в колхозах и для себя, метал другие стога, но этот первый в жизни стожок сена вспоминаю и сейчас. И как наяву вижу журавлиную стаю, слышу сиротски-тоскливые клики птиц, вижу выгорок-новину с небольшим аккуратным стожком сена - осенца вперемешку с желтыми листьями.

Кудангские встречи

Давно хотелось побывать в Кудангском крае - одном из самых отдалённых уголков нашего района. Расположены эти места на юго-западе от Никольска. В те времена жители кудангских деревень ещё сохранили свою самобытность, почти не тронутую цивилизацией. Такой же осталась природа, явно тяготеющая к границе широколиственных лесов, волжскому бассейну рек. Богат был и животный мир края.

И, наконец, по заданию редакции нашей районки, вместе с Вениамином Горчаковым - корреспондентом газеты (он окончил факультет журналистики Ленинградского университета) - мы отправились в творческую командировку. Её цель - побывать во всех лесных деревеньках края, дать серию очерков о сельских тружениках и природе этого уникального уголка.

Время для своего похода мы выбрали самое удачное - осень. Вторая половина сентября - конец жатвы, пора червонного листопада, грибное изобилие. Последняя теплынь бабьего лета и лосиная весна.

Минут двадцать полёта на местном самолётике «аннушке», и мы на Борке - поселке лесозаготовителей. На попутке добираем-

ся до Копыловского лесопункта. Отыскиваем нужную нам лесную дорогу и топаем пешком до Ведених. Это где-то около двадцати километров. Настроение отличное. По этой таёжной, почти забытой дороге давно никто не хаживал, кроме лесных хозяев - Потапычей. Зато следы их пребывания всюду: сломленные рябины с оранжевыми кистями ягод, которыми лакомились косолапые, перевёрнутые колодины, разбитые трухлявые пни, разрытые муравейники...

К вечеру, когда уставшее солнышко готово было уйти на покой, мы добрались до Ведених. Каждый из местных жителей приглашал нас на ночлег. Остановились у лесника Ивана Павловича Зубова. Чаепитие, груздочки, другие лесные деликатесы. Разговор до полуночи. Беседы о земле, лесах, жизни на селе... "

- Вставайте, гости, завтракать пора, - приглашает хозяйка.

Поблагодарив хозяев за радушный приём, отправляемся в Баданки.

Миновав поле, выходим к речке Лундонге. Когда-то здесь была мельница, но в половодье её вместе с мельником снесло вниз по течению. Почти на километр вешняя вода укатила жернова. Из длинных брёвен местные жители соорудили подвесной мостик. По нему и проходили на противоположную сторону.

В Баданках необычно решили проблему переезда за реку на лошадях и технике. Ниже мельницы, на мелком перекате, положили слепи, на них соорудили настил из брёвен-кругляшей, а сверху загрузили камнями. Это сооружение от речного дна поднялось на целый метр. Летом и осенью до водополицы по мосту можно было переезжать за реку. В половодье мост хотя и скрывало под водой, но его не уносило, как не уносит бобровые плотины. В тихих плёсах, на поверхности, мы увидели множество красивых сердцевидных кувшинок с белыми цветами, хотя внутри цветы желтоватые. Эти растения - верный признак того, что вода в реке чистойшая.

Утром раскрываются на солнце белые чашечки цветов, а наступит вечер, и бутон закроет свои лепестки, и уйдёт под воду.

Корякины

К Лундонге мы подошли вечером, когда догорала алая полоска зари. Чистое, без единой тучки высокое голубое небо, угмонившийся ветерок, тихий вечер обещали и завтра такой же погожий день. Река, переливая свою жизнь, журчала на перекате, начавшая холодеть вода была по-осеннему прозрачной. В небольшой курпаге, заросшей хвощем и водорослями, плескалась рыбёшка. Лундонга - типично лесная река. Говорливая на перекатах, тихая в заросших травой плёсах, с глубокими омутами, где вода - как дёготь.

Корявые с узловатыми корнями ивы, рябины, заросли липняка, предвещая настоящую осень, одевались в разноцветный наряд.

Чуточку задержавшись у Лундонги, зашагали дальше. Дорога пересекала приречный луг со стогами сена на нём и скрывалась в березняке. С реки тянуло влажным холодком, но в лесу враз стало теплее. Здесь, как и всюду, пахло грибами, увядшими травами, прелью опавшей листвы.

Когда мы поднимались по косогору лесной тропинки, из-за поворота вывернулся велосипедист. Он ловко притормозил, соскочил с велосипеда, прислонил его к дереву, дружески поздоровался. Это был Ваня, сын известного на всю Кудангу тракториста Ивана Ивановича Корякина.

В нашем новом знакомом по блестящей куртке, по запаху солярки мы безошибочно признали механизатора.

- Ночевать к нам идите, дом в конце деревни налево, под окнами трактор и комбайн стоят. А я мигом пригазую, вот только пару рябков добуду, - улыбаясь, Ваня поправил ремень с двумя патронташами, зарядил ружьё и исчез в лесной чаще.

Вскоре лес кончился, и мы вышли в поле, откуда деревенька как на ладони. Деревенская улочка была чистой, с зеленеющей травкой по обеим сторонам, с колодезными журавлями у домов, с покатыми боками тесовых крыш. Дом Корякиных, как и сказал нам Ваня, был на самом краю деревушки. Там, где проходила дорога на устье Юрманги и дальше, в Тову.

Иван Иванович - высокий и ладный, загоревший и сильный молодой мужчина. Вместе с сыном он только что вернулся из соседней деревушки Калинкино, где допоздна жал овёс. Федосья

Петровна, жена Ивана Ивановича, быстро собрала на стол. Пока кипел самовар, вернулся Ваня, младший Иван Иванович, и, ничего не говоря, выложил на стол трёх пестрых с красными бровями лесных петушков.

- Не устал ли, а с ружьём всё одно надо, - то ли с сердцем, то ли жалея Ваню, сказала Федосья Петровна.

- Да он в лес ходит - словно аккумуляторы подзарядит. Лес-то парня и держит, - заступился Иван Иванович-старший, зажигая керосиновую лампу: в Баданках есть электростанция от двигателя ДТ-54, но сейчас, в страду, было не до неё.

Время заслонкой, бабушка вытасила из печи круглые караваи подового хлеба. Она клала их на чистую скатерть стола и укрывала такой же льняной скатертью. Ароматно, так, что потекли слюнки, дохнул паром чугуна с супом из рябчиков. Нас угощали свежепросоленными студенистыми груздями и другими лесными деликатесами. Вкусен был и ржаной крестьянский хлеб - с мягкой хрустящей корочкой.

Вскоре на огонёк пришли соседи: пенсионерка Мария Павловна, тоже Корякина, её сын Миша.

- Ваня, дай напильничек, зуб сточу, всё небо оцарапал, - сказала Корякина.

- На, попробуй.

Миша и наш молодой хозяин, да лесникова дочка Нина представляли всю молодёжь трёх деревень бригады, кроме разве тех, кто учится ещё в школе на Борке и в Куданге. После ужина мы слушали весёлые мелодии, которые доносились из радиоприёмника, и долго-долго вели разговор о жизни, о хлебе насущном. Иван Иванович в майке сидел на скамейке, и было видно, как на его руках бугрились тугие мышцы.

Вспомнились слова, сказанные нам одним старым колхозником про Ивана Ивановича. Когда он работал от Кемской МТС, то на своих плечах в пестере переносил столько поршней, шатунов и других деталей, что из них можно было собрать трактор. Чуть поломка, и беги в Нижнюю Кему, за два десятка километров. Тогда Иван Иванович работал на стареньком, выдавшем виды СХТЗ «Нати».

Сначала он был прицепщиком. Тогдашний председатель Василий Варсонович Корякин и разглядел в парне, как говорят, «машинную косточку», направил на курсы трактористов в Великий Устюг. Вернулся Корякин через полгода с правами механизатора.

Трудился в родном колхозе. Через два года вместе с Н.В. Корякиным пригнал газогенераторный ГБ-58.

- Чуть перерасходуешь чурку, сам пилишь её. Перетяжку в борозде делали, поработаешь малость - и снова то же, - вспоминает тракторист. - Позднее ДТ стали покрепче, понадёжнее, ну а сейчас техника пошла - не чета бывшему «чурочнику».

Механизаторов в баданинской бригаде - раз-два, и обчёлся. Каждый из них - на вес золота. За Иваном Ивановичем было закреплено два комбайна, гусеничный трактор, а ещё он работает на электростанции и пилораме. Технику знает назубок. Хлеба сеют во всех трёх деревеньках. Осенью попасть из Баданок даже в соседнюю деревушку Калинкино можно было только на тракторе, на лошади или пешком. Перегнать же комбайн - проблема. Поэтому и решил Корякин восстановить списанный.

Сделать это было нелегко, но Иван Иванович своего добился. Всё бы хорошо, но только выехал в поле, замкнула проводка, задымила, огонь в одно мгновение захватил агрегат. Красные языки пламени готовы были перекинуться на пересохшее хлебное поле. Корякин не растерялся. Не снял - оторвал клеммы от аккумулятора, кинулся сбивать пламя. И только тогда, когда огонь унялся, отчётливо представил, какая могла быть беда. Наладил проводку - и опять за дело.

Ивану Ивановичу оставалось сжать несколько десятков гектаров в Калинкине. Мастерски работал комбайнер на жатве. Зерно с поля отвозил сын на тракторе. Бывало, требуется долить масло в картер двигателя, комбайнер спускал его с одного комбайна и переносил на другой, лишь бы не терять драгоценные минуты.

- Урожай нынче добрый, склады оказались маловаты. Зерном засыпали повети, пустующие избы, скотные дворы, - рассказывает комбайнёр. Сберечь бы хлеб!

По всему чувствовалось, что ему небезразлично, как идут дела в бригаде, в колхозе, как живут его односельчане.

- Сызмальства с техникой и Ваня. Он не меньше батька в машинах знает, - сказала Федосья Петровна. - Сначала всё перенимал у отца, потом училище окончил. И младший Шурка к трактору тянется.

Федосья Петровна в то время работала телятницей. На её попечении было несколько десятков голов молодняка.

- Привезут телятушек худеньких, за порог валяются. За такими зиму-то и ходишь, выправляешь.

Корякина выполняла и многие другие работы. Всё лето вместе с дочкой Таней Федосья Петровна работала на сенокосе, теребила лён, расстилала льносоломку.

Бабушке Александре Ивановне без малого восемьдесят. Но и она носит из лесу грибы, убирает лук, копает картошку.

Долго в тот тихий августовский вечер светился огонёк в окнах гостеприимной избы Корякиных. За разговорами засиделись допоздна. И всё же сытный ужин, тепло и дорожная усталость клонили ко сну. Мы улеглись отдыхать. Иван Иванович сказал:

- Иди-ка, Ванюша, путёвки заполним.

...Разбудил нас голос бабушки. Отец и сын уже встали. Гася звёзды, приходил рассвет. Начинался новый трудовой день.

1973 г.

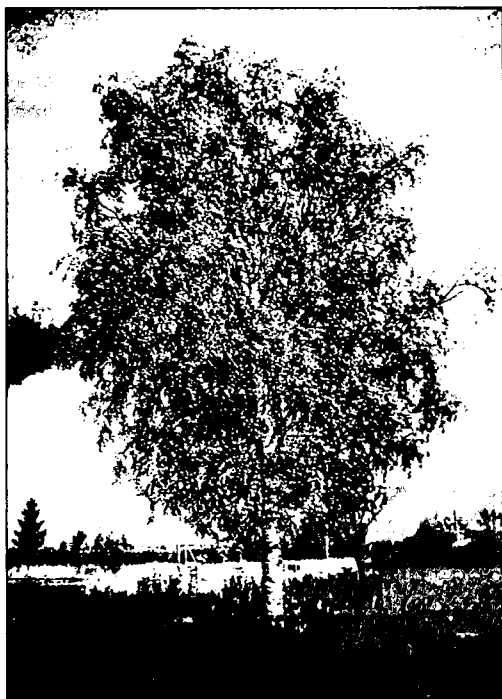
Береза

Тихий июльский вечер застал меня в Устьях, где рождается таежная речка Лундонга. Уже садилось за лесом солнце, угасала заря. В низинах и над речкой бродил туман, остро веяло ароматным запахом сена. Речка круто повернула, и я вышел на скошенную пожню.

В закрайке луга стояла на привязи лошадь, а ее хозяин вершил стог, на котором стоял паренек лет шестнадцати.

- Ну заработались, - сказал я, подавая руку Николаю Владимировичу Бревнову.

- Да нет, просто не хотелось оставлять сено на

завтра. Кто знает, какая будет погода. Вон та, - Николай Владимирович показал рукой на ушедшую тучку - мало не зацепила. И то сказать, сенокос - страда.

Николай Владимирович подал последний навильник сена, перекинул через стог вицы.

- Каждый стог сверху я осокой укрываю, - сказал Бревнов. - Укроешь хорошо, дождем не прольет. Оттого и сено не портится, овершьев не бывает.

Николай Владимирович присел на бережок. Вокруг тишина. Лишь бормотала речушка на каменистом перекате. Мы разговорились.

- Здесь, в Устьях я вырос, здесь прошла моя жизнь, - сказал Николай Владимирович. - Отец с дедом приехали из Самылова, мама родом из Чушевина. Хватило старикам горького до слез. Рубили подсеки, новины разрабатывали. Обрубали у деревьев корни и веревкой за вершину вытаскивали. На новинах росли хорошие хлеба, лен. А как хороши были травы на заливных лугах!

Травы по берегам речек Дороватка и Лундонга и ныне по пояс, а местами в рост человека. В Устьях давно уже никто не живет, но каждый год летом приезжают на сенокос механизаторы, а вместе с ними и я. Николай Владимирович пригласил меня на ночлег. Миша, его сын, ехал на лошади, мы шли пешком.

Когда проходили полем, Николай Владимирович взглянул на высокую, кудрявую березу.

- Здесь был дом моей матери, а березу мы с братом Иваном посадили. Пахали новину и выдернули прутик с корешками. Принесли его домой и посадили, водой полили. Деревце прижилось. И смотри - какая вымахала!

Отец умер, когда Николай был совсем маленький. Брат - гармонщик - домовище сделал. Остались лошадь и корова.

- С братом Ваней мы так и не поучились, - рассказывает Владимирович. - Я одну зиму в школу ходил. Мать то и дело отправлялась зарабатывать хлеб. В жниву работала на Пашином починке у богатого мужика Степки. Мы с братом стали кадушки делать. Все какая-никакая помощь семье. Так в деревне и остался. Женился. Хлебопашествовал. А еще был солдатом. Воевал с белофиннами. В Отечественную на Курской дуге у Рокоссовского. Курск взяли. Ну, думаю, теперь и до Берлина дойду. Да нет, брат, не вышло. Отошли от Курска километров пятьдесят. В наступлении были. Я с «пэ-

тээрм» бежал. Наткнулся на молодого лейтенанта. Он во всем новеньком, в белом полушубке лежал. Вся грудь прострелена, едва живехонек. Наклонился я, да вижу, помощь ему уже не нужна. Только отбежал метров пять, самого стукнуло, упал прямо на убитого. Двигаться не мог. Тут и лежал. Долго еще свистели пули, дыбили землю снаряды. Только вечером подобрали меня солдаты, на волокуше притащили в санчасть, а затем в санитарный батальон. Семь месяцев пролежал в госпитале в Челябинске. Потом приехал домой. Через год призвали в армию снова. Проходил гарнизонную комиссию. Заключение врача-хирурга было категоричным: «На фронт не гожд». До конца войны был на Севере в охранных частях. Настю мою в Отечественную председателем поставили. Тоже досталось и ей, и бабенкам.

- Да, нелегко было, - рассказывает Анастасия Васильевна. Председательствовала я с сорок первого, все пять лет. В деревне одни женщины. Пахали на быках, боронили на коровах. Но и тогда рубили новины, разрабатывали целину. Выращивали хлеб. Сдавали государству.

На войну ушло 25 мужиков. Вернулись трое. Погибли на фронте и трое братьев Николая Владимировича, старший Иван, Василий и Владимир.

После войны не сразу полегчала жизнь. Но работали горячо и весело. И опять наступала пора сева, буйно цвела черемуха, наливались зерном хлеба. Много лет отмерило время. Николаю Владимировичу давно перевалило за шестьдесят, но он, как и раньше, всегда беспокоен, трудолюбив.

Говорят, что дерево крепко корнем, дом - хозяином. Тогда, когда я встретился с Николаем Владимировичем, он жил в Шилове, работал конюхом, летом любил трудиться на сенокосе. Анастасия Васильевна много лет работала дояркой, заведовала фермой, возглавляла бригаду. Любовь к земле, отчему краю унаследовали и сыновья.

... На сенокос Николай Владимирович отправлялся в родные, знакомые с детства места. И как только приезжал в Устья, шел к своей березе. Здесь ему все близко и дорого. Иссеченная ветрами, опаленная стужей и солнцем шершавая кора березы огрубела, потрескалась. Но, пустив свои корни глубоко в землю, дерево стойко перенесло все невзгоды и испытания. Летом береза тихо и ласково шелестит листвой, зимой позванивает обледеневшими ветвями.

Фили, да не простофили

Филя хромой

Лето было сухим и жарким. Уже не первый день ветерок доносил в таежную деревеньку Баданки запах дыма и гари. Нещадно палило солнце, но и оно померкло, словно в тумане. Беда пришла в знойный Ильин день - 2 августа. Занявшись где-то в лесах Межи, пожар подбирался к Баданкам. Огонь все пожирал на своем пути. Гибли звери и птицы.

Люди с тревогой выбегали из домов на улицу и понимали, что беды не избежать. Стали спасать имущество. Все, что могли, вывезли в поле. Туда же пригнали скот. Со слезами на глазах смотрели, как полыхает деревня. Пожар в те времена, а это было в двадцатые годы, остановить было невозможно, и он промчался дальше, до самой Куданги - еще не один десяток километров. Осталось от Баданок три-четыре домика, в молельном месте.

- Об этом рассказывали мне очевидцы, - говорит Л. В. Парфенова. - Жители деревни дали обет: каких бы и сколько работ в Ильин день ни приспело, ничего не делать.

Зиму крестьяне прожили в землянках. В местечке Городок, что по направлению к Гаркуше, отвели делянку для заготовки строительного леса. Как всегда, лес для этой цели заготавливали по суходолам. Там он крепче, прочнее. Бревна таскали на лошадях за «ноздрю» - сделанное в комле отверстие, в которое пропускалась веревка. Дорогу выстилали колыями. Дерево легко скользило по ним. Весной взялись за строительство. К началу Великой Отечественной войны в Баданках было уже около тридцати домов.

В 1936 году в поле, на небольшой возвышенности, построили пожарную вышку. Весь материал на нее готовили вручную. Подняли вышку воротом.

Наблюдать за лесами поручили Филиппу Семеновичу Корякину. И каждый день спешил Филя в поле, чтобы занять свое место дозорного. Живописные виды открывались на лесные дали с тридцатishестиметровой вышки. В этом безлюдном просторе, насколько видел глаз, зеленели вокруг молодняки-лиственники. За рекой,

куда пожар не попал, тянулись хвойники. Причудливо извиваясь, делая крутые повороты-кривуны или хоботы, текла лесная речка Лундонга, заросшая травами, в нарядных бордюрах кустарников по берегам.

Из-за травмы ноги в суставе Филя был инвалидом с детства, припадал на ногу, прихрамывал. Но работа дозорного в опасное для пожаров время была ему под силу, и нес он ее с усердием. Конечно, нелегко было с искалеченной ногой забираться на такую высоту. В лесах не только раздолье. В иное лето они, особенно сосняки со мхом-беломошником, таили в себе огромную опасность. Насохший лес был как рассыпанный порох. Малейшая неосторожность человека - займется лес ярим пламенем.

Филиппу в начале шестидесятых было под пятьдесят. Как и вся его родня, был он смугл, черноволос, с пронизательными дружелюбными глазами. Филя был одинок и жил в одном доме с братом Варсоном. Дом-пятистенок большой, просторный, с мезонином. С черемухой под окнами. А еще амбар и баня, хлев для скотины.

Кончался пожароопасный период, и Филю ждали другие дела. Никому не поверил бы Филипп Семенович, что, как сейчас говорят, «в деревне делать нечего». Не хватало Корякину коротких зимних дней, так трудился долгими вечерами, а иногда и ночи прихватывал. И все, что бы ни приходилось делать, исполнял по-настоящему, с любовью. И каждой вещи, инструменту определено свое место. Работать умел, и за что бы ни взялся, все у него получалось. Филя ремонтировал сбрую, сапоги и ботинки, подшивал валенки, плел лапти и ступни, пестери. Да мало ли других дел в лесной деревеньке. Все это были для него радостные и несуетные заботы. Шли к нему люди со своими нуждами, и старался он помочь каждому. Часто к Филиппу забежали ребяташки-подростки. Просили кому лапоть заплести, кому показать, как сладить берестяной туюсок. И Корякин без утайки передавал им накопленный годами опыт.

- Ну-ну, дай Бог, чтобы нашей-то собаке да волка съесть, - улыбался мастер.

Филя так увлекался своим делом, работал с таким усердием, что не замечал ничего вокруг, забывал, что ребятня сидит. Когда уставал - начинало покалывать в спине. Мастер давал себе минуту отдыха, распрямлялся. Делая это, Филя кривил губы, высовывал кончик языка, и сами по себе у него начинали косить глаза. Потом Филя спохватывался, и лицо принимало нормальный вид.

Пацаны есть пацаны. Какой-нибудь пострел-озорник втихаря передразнивал Филю, корча гримасу. Кто-то из мальчишек не выдерживал, прыскал в рукав. Филя, поняв в чем дело, резко поднял голову и, попавшись врасплох, пацаны, как враз взлетевшие с мякины воробьи, мигом разбежались.

Но Филя был добр, все принимал в шутку и прощал озорников. Уже следующим вечером ребята друг за дружкой тянулись к своему учителю. Может, и нелегко жилось доброму и трудолюбивому человеку Филиппу Семеновичу, но его уважали и любили односельчане. Уважали потому, что он делал много хорошего для них.

* * *

Быстро, словно наперегонки, пронеслись десятилетия. Много воды утекло в Лундонге с тех пор, как бушевали лесные пожары. На месте пепелищ вымахали прямоствольные и крепкие березняки, которые заготавливают и вывозят сейчас в Череповец. Запасы ценной древесины огромны. Баданки же, как и многие другие деревни, давно пришли в запустение. В них остался лишь один жилой домик. В студенья и лунные январские ночи гнусаво и жутко воют с тоски бездомные серые бродяги-волки. Грустно.

Филя одорукий

До войны в нашем небольшом городишке настоящих рыбаков (не рыболовов) можно было пересчитать по пальцам одной руки. Я имею в виду тех, кто ловил рыбу не на удочку и другие подобные снасти, а сетями. Славились Голых, Тропин, Поникаров. Василий Меркурьевич Голых - коренной никольчанин. В минуты откровенный он, удивляясь своей фамилии, говорил, что не хватает только Нагих да Гладкопятых. У Максимилиана Николаевича Тропина любимой поговоркой было «Ой, мама!» Павел Иванович Поникаров, представляясь кому-либо, непременно произносил: «Не пьяница, не куплетист, но замечательный артист». Иногда он со своими шутками да прибаутками на артиста и смахивал.

Знали в городе еще одного рыбака - Филю безрукого. Его так и называли. И что тут плохого? Не обидная кличка.

В то время я был пацаном и фамилию Филя не узнал. Или забыл - точно и не припомню. Спрашивать, почему он без руки остался, тоже было неудобно. Жил Филя в небольшом аккуратном домишке. Среднего роста, тончавый, с маленьким обветрен-

ным и загоревшим лицом, как это и должно быть у человека, много времени пребывающего на природе. Но больше всего мне запомнились его глаза: голубоватые, лучистые, приветливые. В те годы Филе, наверное, было под шестьдесят. Одет он был просто: чистая пестрая рубаша с аккуратно подвернутым левым рукавом, неопределенной формы штаны - и ступни на ногах.

У каждого рыбака-сеточника, как и у рыболовов-удильщиков, были свои заветные места. Филипп часто ловил рыбу прямо под городом, около Спиринского сада, под «Старушкой или Крутиком». Каждый год по весне Филя дотошно осматривал свою лодчонку. Если требовалась починка, чинил, дважды мазал ее горячей смолой.

В ледоход весь город высыпал на реку поглазеть, как рушились и кувыркались льдины, как река тащила проруби, обставленные елками, бревна, а иногда и сплавконторские боны для запаней.

Тогда или чуть позже и привозил Филя на реку свою лодчонку-шелковлянку. Шелково - название деревни, где жили мастера-лодочники. Но рыбой Филипп занимался в основном летом и осенью. И в этом деле он был сам Бог. В деревнях рыбаки чаще всего ездили на «бусах», похожих на огромные корыта. «Бусы» обычно выдалбливались из толстых осин. Для устойчивости с двух сторон прилаживали к «бусе» доски-крылья. Кое у кого были и лодки плоскодонки. И «бусы», и плоскодонки были куда устойчивее лодок-шелковлянок, но зато шелковлянки были очень легкие на ходу - как чайки, говаривал мой знакомый, знающий толк в этом деле Игорь Томиллов. И многие, кто видел Филю на реке, диву давались: как это он, однорукий, стоя в вертлявой лодчонке с шестом в руке, поднимался против течения, выбрасывал сеть в воду, загонял в нее рыбу и доставал ее из ловушки. Сети в те времена были допотопные и тяжелые. Их плели из ниток десятого номера, а то и из льняных.

Такие сети быстро намокали и становились тяжелыми. Цевки-поплавки делали из бересты, «кишку», своеобразное грузило, шили из прочного материала и набивали мелкими камешками. Реку, с ее перекатами, плесами и заводами, рыбак знал прекрасно. Знал и повадки рыбы, наблюдал, как она реагирует на погоду. И потому ему сопутствовала удача. У нас, на востоке не было и нет таких водоемов, как на западе области. И все-таки рыбешка водилась. А водилась потому, что было немало мельничных запруд, глубоких омуты, травянистых плесов.

Мы, ребятня, часто бегали на реку посмотреть, как однорукий рыбак ловит рыбу. Вот он, стоя в лодке, тихо и бесшумно проплывает по краю зарослей кувшинок, хвоща и «щучьей» травы, мимо заводи-омутка. Высмотрев рыбу, Филя выбрасывал сеть. Затем с тем же легким шестом-ботом ехал по самой траве, бухал, пугал рыб. Сразу начинали дергаться поплавки сети, но вынимать ее рыбак не спешил. Не зря говорят, что рыбу ловят в мутной воде.

Подъедет Филя к бережку, вылезет из лодки, неторопливо закурит «козью ножку», посидит с четверть часа и только потом достает улов. Знал рыбак, как поймать рыбу на верхнем или нижнем перекатах, в озерине или в пруду. К людям, даже к нам, пацанам, Филя относился всегда по-доброму, по-хорошему. Как-то на песчаной отмели, закатав штаны до колен, мы с Женькой Вахрамеевым да Валькой Шиловым ловили рыбешек на удочки. Попадались одни «шаклеи» - уклеи, по-книжному. Мимо проезжал Филя на своей посудине.

- Чего, мужики? Мелюзгу хитрите? Небось, лишка не наловили. Натек-ка вам по рыбине.

И каждому достал из корзины по большущему красноперому голавлю. Мы рады-радешеньки!

После спада весенней воды, в начале лета Филя любил порыбачить в Чертовке - большом омуте километрах в пяти от Никольска. Глубина была под крутым левым берегом реки, а на противоположном берегу - отмель.

Загадочное название, таинственная глубина с ее обитателями. Старики рассказывали, что как-то летом большой ястреб-тетеревятник напал на крупную щуку, да не рассчитал свои силы. Ястреб так вонзил свои острые кривые когти в рыбину, что не смог и вытащить. И утащила его щука в омут. Кто ни видел, все боялись чудо-рыбины с крыльями на спине.

Как-то приехал Филя в Чертову яму, сети закинул, костерок на бережку наладил, чаек вскипятил. Мы, насадив на крючки миногшестидырок, закинули переметы. Это насадка такая была. Когда на вечеру стал Филя сети проверять, мы подошли к нему. Глядим, а он таких окуней, щук, головлей да яззей достает, что мы и не видывали.

И нам тогда на переметы по корзине рыбы попало. Каждому. Едва доплелись до дома.

Давно минули те времена. Давно не стало и Филя безрукого. С каждым годом скудеют и рыбные запасы.

«Вот сплав леса по Югу прекратится, тогда и рыба будет», - убеждали знатоки. А черта лысого: сплава-то давным-давно нет - а рыбы не прибыло.

Рассказывали, что весной при большой воде, Филя рыбачил мало, зато следил, чтобы икра на кустах не обсыхала. Много раз приедет, чтобы с кустов икру в воду окунуть.

Да и электроудочек не было, редко, кто осенью с остройгой баловался. Филя знал и понимал, что делал. Рыбалкой он не только тешил свою душу, получал удовольствие, но и добыча, по всему видать, никогда не была для него лишней. Радушный и славный, чистой души человек был Филя безрукий.

Ивунька

Его звали Иваном, а чаще всего Ивунькой. Он был русоволос, с выцветшими на солнце бровями, со светлой и искренней улыбкой на добродушном лице. Говорил Ивунька неторопливо, а вот работал бойко, как молодой. Словом, мужик что надо. Таким я помню деда.

Весёлый, общительный Иван Александрович даже в самом безысходном положении не отчаивался. Ладно да хорошо - вот два слова, которые чаще всего были у него в ходу.

Как-то сидит Александрович дома у раскрытого окна, попивает чаёк. Он был большой любитель до этого напитка. И вдруг откуда ни возьмись чёрная туча, готовая дождём пролиться.

- Иван, сено-то замочит, а ты чаи гоняешь, - крикнет кто-нибудь из соседей.

А тот, к кому обращены эти слова, даже не нахмурится.

- Ладно, кто смочит, тот и высушит, - отвечал дед невозмутимо спокойным голосом.

Конечно, Иван тоже видел тёмно-синюю тучу, которая заволакивала небо, и у него защемило сердце при виде грозного облака. Но что сделаешь? Торопись-не торопись, а раньше тучи на пожню не прибежишь, да и наработался он уже порядком. А чайку в такой знойный денёк, да с устатку, как не испить.

Чуть поодаль от Ивунькиной избы стояли хоромы Ефима Корины. Дом был просторнее, добротнее, чем у Ивана. Ещё не успев-

шие посереть кондовые светло-желтые брёвна пятистенка пахли смолой. Жил Ефим справно, как говорится, одной ногой в меду, другой - в патоке. Как и Ивунька, Корины занимались сбором живицы, держали скотину. Хозяин промышлял зверя и птицу, ловил рыбу.

Ефим держался независимо, был горяч, скуп и несговорчив. Не уважали люди кобенистого Ефима. «К нему не подойдёшь ни бережком, ни речкой», - говорили соседи. Если случалось кому-либо из косарей или охотников заночевать в кордоне, они шли к Ивуньке.

Как-то солнечным августовским днём мы шли берегом реки. На ней и заметили Ефима. Около берега он кружил на «бусе», долбленной из осины посудине. Ефим пыхтел и чего-то бубнил себе под нос.

Когда мы подошли ближе, то увидели смытый половодьем в реку пенёк с многочисленными корнями. Между корнями плавали рыбы: то ли язи, то ли лещи. Пенёк был окружён сетью. Ефим бил по воде ботом - шестом со специальным приспособлением, которое в воде издаёт сильный звук. Рыбак старался загнать рыб в ловушку. Ефим ругался и без передыху ударял шестом по воде. Но рыбы хорошо видели сеть и не желали в неё лезть.

- Всё равно возьму, - не отступался Ефим. - Вот только кошку принесу.

Рыбак причалил к берегу, привязал «бусу» к кусту и побежал к дому. Вскоре Ефим возвратился обратно с живой кошкой в руках.

Мы застыли в изумлении, ожидая, что будет дальше.

А Ефим привязал к Мурке тяжелый камень и на верёвке бросил её в воду.

Кошка пошла ко дну, извиваясь, сучила лапами, стараясь вывободиться. Вскоре Ефим вытащил животное на поверхность. Кошка фыркала, билась, жадно хватая воздух. Из дома прибежала жена Ефима.

- Оставь животину, ирод, - кричала она рыбаку. А тот только смеялся. Дав кошке отдышаться, он опять бросил её в воду. Так повторялось несколько раз.

Мы видели, как задёргались поплавки в сети, как заблестели рыбины.

Рыба, очевидно, принимала кошку за своего извечного врага - выдру и, завидев её, тотчас покидала своё убежище. «Хитёр и жесток старик», - подумалось нам.

Вырубили леса в округе, и Ивунька и Ефим покинули насиженные места. Оба уехали в ближайший лесопункт.

Как-то поздней осенью по первому зазимку пути-дороги привели нас на лесной кордон. По старой привычке мы направились к избе Ивуньки, хотя теперь можно было расположиться и в хоромах Ефима. Впрочем, вскоре убедились, что это не так. Почти все окна в рамах были выбиты, огромный замок с дверей сбит, на земле лежали двери и косяки от амбара, в котором была укрыта от глаз людских поленница берёзовых дров. На двери дома был приклеен клочок бумаги, надпись на котором гласила:

«Карасину нет, печ топить нельзя - неисправен дымоход».

Изба Александровича стояла на крутом, высоком берегу лесной речки. Здесь было всё так, как и раньше. Уезжая, хозяин оставил в избе всё, что могло согдаться людям в лесу. В избе были не только спички, соль и сухари, но и лампадка, допотопный самодельный деревянный фонарь, заправленный соляжкой, ведро, чайник, топор и даже свиное сало, которое очень пригодилось одному из нас: им пришлось натирать пересохшие за ночь сапоги.

Утром мой напарник, а он был печник, не утерпел, сходил и проверил дымоход. Он был исправен. С благодарностью мы прощались с домом Ивуньки.

В разбитых окнах Ефимовой избы гулял ветер, сиротливо скрипела дверь.

Волчье лыко

*Не ходи, Олексан, на болото,
Не ходи, дорогуша, один.
Неужели погинуть охота
Посреди проклятущих лядин?*

А. РОМАНОВ

До своей убогой, скособочившейся избушки Николай добрёл вечером, уже в темноте. С трудом отворив разбухшую от сырости дверь, охотник протиснулся в неё, пропустил Шайтана. Перво-наперво надо было затопить железную печь «буржуйку». Руки от колючего ветра и мороза одеревенели, пальцы зашлись и не слу-

шались. Кое-как запалив бересто, Николай положил на чадящие завитушки сухие еловые веточки, а сверху них - берёзовые поленца, которые так кстати были припасены загодя, летом.

Огонь занялся быстро. Пламя билось в печи, гудело в железной трубе. Она потрескивала, теплилась жаром. Наполнялась теплом и вся лесная горенка. Отдохнуть бы сейчас, да недосуг. Николай сходил на речку за водой и поставил котелок к огню. Присел на корточки, крякнул, нащупывая за пазухой кисет с махоркой.

Николай был кряжист, плотен и несколько грузноват. Лицо, иссечённое морщинами, приятное, доброе.

В углу, под нарами, свернувшись калачиком, словно лисовин, лежал Шайтан - рыжий пёс с ушами полусломками и пушистым, свернутым в колечко хвостом. Происходил он от деревенской дворняги. Однако чутьём его Бог не обидел, и он был хорошей зверовой собакой. Николай взял щенка у свояка, выбрав его сам. А дело было так.

Четырех щенков от Дамки, которым было всего пять-шесть дней от роду, одного за другим он посадил на столешницу. Собачата, жалобно скуля, скользя лапами, словно козлята по льду, ползали по деревянной крышке стола. Трое из них, вякая и кувыркаясь, свалились на пол. Лишь один кобелёк, как только достигал края столешницы, поворачивал обратно.

- Вот этого и возьми, - сказал охотник хозяину. И не ошибся. Николай ценил Шайтана выше коровы. Что корова? Хорошую бурёнку всегда можно купить, а доброй собаке цены нет. Её ни за какие деньги не достанешь.

Николай был с Шайтаном не только на равных, но считал его своим самым близким другом. И Шайтан чувствовал это. Поначалу Николай накормил собаку, отдав ей тушки трёх белок, которых удалось добыть за день. И лишь потом налил себе из котелка лесного чаю: заваренный гриб - чагу. На столике лежали сухари, краюха хлеба, мешочек с сахаром. Шайтан, похрустывая косточками, уплетал белок и своими умными глазами ласково и преданно поглядывал на хозяина.

В оконце заглядывал кособокий месяц, мерцали звёзды. Поужинав, Николай улёгся на нары. Заснуть бы сейчас, но сон не шёл. Гудели ноги, сжимало грудь, ломило в суставе правой руки. Он лежал, ворочался с боку на бок. Одно за другим, как тучи на небе, всплывали воспоминания, пронеслось пережитое: далёкие

детские годы, когда отец учил постигать охотничью науку, как промышлял он зверя и птицу, а потом воевал на Севере, и как вернулся домой в числе тех нескольких мужиков из всей деревни, которых не сумели отыскать вражьи пули.

Никак не выходил из головы недавний сон, будто он, Николай, на отцовском Карьке везёт из Костряжа целый воз волчьего лыка. Зелёных веток с ядовитыми ягодами было так много, что их пришлось затянуть под оглоблю. «К чему бы это?» - подумал охотник. Конечно, сон как дым. Проснулся, и нет его. Но поди ж ты, слышишь бабья молва о сбывающихся сновидениях, лесном царе, постороннем глазе да о самих бабах с пустыми вёдрами. Думы никак не рассеиваются, бередают душу.

Под нарами завозился Шайтан, вздохнул, словно человек. «Чего, и тебе не спится? Вот они, кунички-то, как достаются», - радуясь случаю поговорить, сказал Николай.

Народная молва гласит: «Охотника девятая заря кормит». И сказать: «Ходить по лесу, видеть смерть на носу». Жена Николая Авдотья устала говорить: «Брось охоту, живи по-людски, загонит тебя лес в могилу. Смотри, Петька Маршин такой же, как ты, непутёвый был, а сейчас работает в сельпо, живёт и в ус не дуёт».

- Да ну его, плута, - отвечал Николай.

Николай и сам понимал: охотой не проживёшь, а того гляди, сыграешь в ящик. Послушался жену, поступил завхозом в школу, но и года не проработал. По лесу затосковал. В лес, словно магнитом, тянуло. Попробуй, забудь его, если в нём душу захоронил.

- Бобыль, балбес непутёвый, - крестила Авдотья мужа нелестными словами. И укатила к дочке в Архангельск.

Вскоре Николая подмял медведь, едва до смерти не ухайдакал. Кто-то ранил зверя на овсах. Он в чащобу забился ранулизывать. Николай визирой шёл самоловы к промыслу готовить. Разъярённый зверь неожиданно налетел сзади. Шайтана тогда рядом с охотником в лесу не оказалось. Вышиб медведь ружьё из рук и давай охотника мять. Он только голову старался укрыть, а потом притворился мёртвым. Отступился зверина. Мхом, сучьями, разным хламом Николая завалил. А напоследок громадную лесину-вакорину приволок и сверху положил. Отлежался охотник, а домой едва прибрёл. Как тут не болеть косточкам, если их косолапый пересчитал.

В прошлом году, после завершения охотничьего сезона, в первых числах марта Николай решил навестить жену и дочку. Приняли его, как и подобает, но без дела загрузил, затосковала душа о лесе. Пошёл как-то с зятем по магазинам. Заглянули в универмаг. Николай не столько смотрел на витрины, сколько на посетителей.

Народу - яблоку упасть негде. Люди одеты хорошо, красиво: в мехах - в нарядных воротниках из клеточных норок, нутрий, песцов, тёмно-бурых с проседью выдр, лисиц-огневок и чернобурок.

- Меха - мягкое золото, - подумал Николай. - И за граница за экспортную пушнину платит валютой. Только охотник за свой труд получает гроши.

Средних лет мужчина в голубоватой беличьей шапке-ушанке остановился рядом с Николаем. Тот так пристально всматривался в его шапку, что мужчина, заметив любопытный взгляд, спросил:

- Что глядишь, друг?

- Охотник я. Вот и кумекаю, не из моих ли бельчонок шапочка сшита.

- Может, и из твоих, - улыбнулся мужчина. - В честь полувекового юбилея премировали.

Мужчина, сняв шапку, подал её Николаю.

- Кирово-Чепецкая фабрика «Белка», - взглянув на штамп с изображением зверька, прочитал охотник.

- Может, и верно бельчонки мои. Киров от нас, дорогой, не бог весть сколько. Идёт она вам, носите на здоровье.

Мимо прошла совсем юная девушка, наверное, ещё старшекласница в шапочке с длинными ушами, сшитой из меха пятнистой рыси. И как она была к лицу этой румяной девушке!

Но чаще всего виднелись на женщинах куны шапочки с шелковистым, светло-коричневым и тёмных тонов мехом, с хвостиками посередине и без них. И хотя мех нашей куницы уступает искрящемуся соболиному, но всё же наряден. И Николай, глядя на элегантно одетых молодых и пожилых женщин и мужчин, сердечно, от души радовался тому, что многие стали жить лучше и что носят меха не какие-то там заокеанские модницы-миллионерши, а свои, родные, русские люди. И потому сейчас ему казалось, что не так уж донимают его скитания по лесу, одиночество, бессонные, длинные зимние ночи у костра, лесные походы, не многие из которых приносят удачу, охотничье счастье.

... Забылся охотник только под утро. Кажется, только заснул, а

уже и вставать пора: за окном чуточку отбеливало, занимался поздний и тусклый зимний рассвет.

Умылся, позавтракал и покормил собаку.

- Ну, дорогой, пора нам с тобой в путь-дороженьку, - улыбнулся Николай, беря в руки одностволку. И подумал сейчас охотник об удаче, о том, зачем, собственно, и пришёл в сузем. Забрался в самую глухомань, чтобы проверить ловушки-самоловы. Его охотничья тропа-путик, по которой лесовал ещё его дед Дормидонт, проходила по берегу небольшой речушки. В лесу нынче было пусто, словно всё вымерло. Почти не стало тетеревов и рябчиков, да и мошника-глухаря редко спугнёшь.

В этом многие охотники винили химию. Химикаты, конечно, вредят всему живому, когда обращаются с ними неосторожно. Но Николай был мудр и хорошо понимал, что дело не только в этом. Химикаты применяют уже не один десяток лет, а ещё три-четыре года назад уголья птицей не оскудели. Да вот беда: не первую весну водополица, возврат холодов, ранние осенние заморозки. Снег чуть не в колено выпадал в июне, безжалостно круша своей тяжестью покрытые листьями деревья. Большинство кладок птиц погибло, они не сумели вывести потомство. Выдавались неурожайные годы и на белку. Почти не было ни еловой, ни сосновой шишки, и только лежалая кислая шишка-падалица, обитая с елей клестами, спасала от голода тех немногих зверьков, которые остались на зиму. Голод - не тётка. Ушла белка. За ней утянулась куница.

Под двумя густолапыми елями, чтобы меньше заносило снегом, колодица на куницу. Слажена она была охотником из двух кругляков-брёвнышек без единого гвоздя. Около ёлок вбиты в землю два колышка. Один из них с корнем, похожим на печатную букву «Г», заострён и заколочен высоко в дерево. Оба расщеплены в середине и через них вбиты в деревья клинышки. На них лежит нижнее брёвнышко. Верхнее поднято и удерживается в таком положении нехитрым устройством - насторожкой. Стоит кунице дотронуться до приманки-салты - проквашенного мяса - и верхнее бревно упадёт. Николай проверил ещё несколько колодиц, но все они были пусты. Только в капкан попала сойка - красивая лесная птица с голубыми пятнышками на крыльях. Сойки часто окружают самолловы, расклёвывают приманку.

- Ох уж эти «жар-птицы», - досадовал охотник.

И голосок у птицы - будь здоров. Увидит охотника - заверещит на весь лес, словно с живой перья сдирают.

Пробив слой облаков, которые низко громоздились на небе, показалось поздно взошедшее солнце. Заискрился на деревьях снег, засуетились, обрадовались синички, даже дятел затараторил. Но не долго ласкало землю зимнее солнце. Лохматые серые тучи вновь затянули небо. И лес опять стал угрюмым и неприятным.

Шайтана рядом не было. Он рыскал где-то по лесу, с ног сбился, проверяя пни и валежины, но что поделаешь, если зверя нет. И только в самом конце путика собака нашла куний след. Он был вечерний, жировой, присыпанный снежком. И всё-таки это след куницы, а не какой-нибудь пустой, никудышной зверюшки вроде белки-летяги.

Старый охотник наперёд знал, куда ушла куница: по крутым увалам речушки. Знал и то, что искурлесил зверёк за длинную ноябрьскую ночь не один километр. Но как бы далеко ни убежал лесной кот, как бы ни хитрил, Шайтана ему не провести, не сбить с толку. Долго, долго пробирался Николай по лесу. И, наконец, до его слуха донёлся отдалённый лай. Николай прибавил шагу, шёл напролом, почти бежал. Замерзшие упругие ветки безжалостно, порой до крови, хлестали по лицу, за воротник сыпался снег. Голос Шайтана стал заметно ближе, явственнее - резкий и злобный. И хотя Николай запыхался и тяжело дышал, поднажал ещё. Ведь был рядом, у цели. Минута-другая, и вот он, охотничий трофей. Но тут Николай почувствовал острую боль в сердце. Схватившись рукой за грудь, задыхаясь, опустился на снег.

Притулился Николай к шершавому стволу дерева, закрыл глаза и, стараясь унять дыхание, долго сидел молча. Очнулся от голоса дятла-желны, который пролетел с громким криком и уселся на невысокий берёзовый пенёк с потрескавшейся корой. Кору кое-где задрал ветер, и она свисала ошметками. Пень стоял напротив Николая в пяти-шести метрах. Черный, с красной шапочкой дятл-желна прыгал вокруг ствола, долбил кору так, что летела труха. Он обследовал весь пенёк донизу, но, очевидно, не нашёл поживы и, сорвавшись с дерева, с теми же пронзительными криками полетел дальше.

- А ведь я стал, как этот трухлявый пенёк, - подумал охотник, поеживаясь от невесёлой мысли.

Сердце понемногу отошло. Отдышался. В лесу было тихо, голоса собаки слышно не было.

Николай встал и медленно побрёл дальше. По следам Шайтана, по примятому им снегу, определил, что куница сидела на невысокой ёлке, а потом, когда собака ей надоела, и в надежде найти более надёжное убежище, перемахнула на другое дерево и пошла дальше верхом, грядой... Охотник продирался направо через чащобу, завалы, частокол мелколесья. А гонный след уводил его всё дальше и дальше. Николай устал так, что, казалось, больше не было никаких сил преследовать куницу. Но идти надо. И опять голос Шайтана стал ближе.

Сделал охотник две-три сотни шагов и вышел на давнишнюю заросшую вырубку. В её закрайках, на старом лесовозном усе увидел Шайтана. Бегают собака по бунту оставленных давным-давно брёвен, чует зверька, ярится, захлёбывается лаем. Добыча - вот она, рядышком, но близок локоть, да не укусишь. Надёжно схоронился лесной кот под брёвнами, не таится даже, урчит, фыркает. Только из-под бунта куницу не вытуришь. И всё-таки срубил Николай стяжок, попытался откатить смерзшиеся тяжёлые брёвна, да куда там - силёнки не хватило.

- Пойдём, Шайтан, - сказал Николай. - Шут с ней, с куницей-то.

Стало смеркаться. Темнело на глазах. Уже давно задувал ветер. Повалил снег, сырой, хлопьями. До «химика» - бывшей избушки серогонов - километров пять наберётся, а идти надо. Николай вышел на болотистую согру. Несколько лет назад здесь прошёл ураган, и она была завалена коряжником. Полуистлевшие, искореженные, с голыми сучьями лесины лежали на земле.

Охотник знал, что болото это обширное, что там, в центре, за зарослями белоуса, на мшарине есть топь и окна. Поэтому он

старался идти закрайками болота, огибая его. Моховину Николай перешёл в самом узком месте. Но всё же, перелезая через дерево, охотник оступился в талик, зачерпнул ледяной воды в сапоги. Мокрые портянки давали себя чувствовать - шагать стало тяжелее.

Охотник шёл, ориентируясь по знакомым местам. За согрой, где место было повыше, начался березняк. Когда-то давно, в тридцатых годах, лес выгорел здесь на десятки километров вокруг. Николай помнит, как огненный змей пожирал всё на своём пути, как полыхало над лесами багровое зарево пожара и валил едкий дым, а ветер доносил запах гари. Обезумев от страха, очертя голову убежали от пожара лесные звери.

Николай шёл ссутулясь, едва волоча ноги, запинаясь, падал. Вроде бы уже должна быть дорога, а её нет. Заблудился, что ли?

Вконец вымотался охотник, взмок, обессилел. И не диво - сколько километров отмахал по снегу с тех пор, как ушёл из дома. А дни-то все «пустые». И снова зашло сердце, сдавило грудь. И вдруг кольнуло так, словно иглы впились. Застонал охотник, схватился за грудь, прислонился к дереву. В глазах замельтешили круги, тело стало пустым, ватным. И привиделись Николаю жена и дочь, куньи шапочки на головах женщин в универмаге, ярко-красные ягоды волчьего лыка, Шайтан. А он и впрямь был рядом. Подскочил к хозяину.

- Шайтан, друг, дружок, - шептали посиневшие сухие губы охотника.

...Опять налетела пурга, и всё потонуло в белой мгле. Стаей голодных волков завывал ветер. Раскачивались, гнулись, скрипели и стонали растревоженные деревья. Николай свалился на землю, скрючился от боли, карабкаясь пытался встать, а руки всё глубже зарывались в снег...

Потом он затих. А снег валил и валил...

Николая нашли через месяц мужики, поехавшие в сузем за сеном. Прильнув к хозяину, рядом лежал окоченевший, с выпирающими рёбрами Шайтан.

1966 г.

Где-то плачет иволга...

- Так-так, значит, в колхозе решил поработать, - сказал председатель Василий Павлович, разглядывая меня, хрупкого еще мальчугана. - Подрасти бы, конечно, малость надо, да что поделаешь - война. - И решил: "Скажи бригадиру, пусть к овощеводам в бригаду запишет". А сам, наверное, подумал: "Ну и гвардейцы ко мне приходят".

На вид председателю Берсеневу было около пятидесяти, а может, и больше. Был он худощав, одет скромно: в серый пиджачишко да такие же серые брюки. Лицо приятное, открытое - такой не обманет. Дела в колхозе "Вперед" шли исправно. Слышал я, что председатель был внимателен и добр к людям, но и требователен, когда надо.

Работали мы в основном на капустном поле. Пропалывали сорняки, рыхлили грядки, боролись с блошкой. Прошли дожди, и капуста хорошо подавалась, росла на глазах. Целый месяц я был овощеводом, а тут услышал, что создается бригада для заготовки сена на дальних покосах.

И мне захотелось поехать туда. Но вовсе не потому, что грядки полоть - руки колоть. Поехать на дальние покосы, пожить с косарями под одной крышей, поработать с ними, заготавливая корм, внести хоть и малую толику своего труда в важное для всех дело. В то же время хотелось побывать в глухих суземках среди природы, ее обитателей, полюбоваться росными травами, вдыхать аромат цветущих лугов, хотя знал, что вкалывать придется до седьмого пота.

Не зря июль называли в месяцесловах сенозарником, грозником. А еще говаривали: "Всем лето пригоже, только макушка больно тяжела!" Дальние покосы в те времена у нас были в суземах, лесных островах, редко где-нибудь в пойме реки на широких лугах. Таких мест на востоке области немного. Косить приходилось небольшие пожни, лога и лывы по берегам лесных речушек, около закрайков болот.

В бригаду на дальние покосы меня включили. Предстояло косить травы на пожнях по речкам Усовка и Усовенок около Усовочного болота. Выезд наметили на 12 июля. В четыре утра собрались у дома бригадира. Все свои манатки - рюкзаки, котомки, пестери, косы, грабли, вилы, одеяла - едва уложили на две телеги. Повезли их небольшие, но шустрые и проворные лошадки - гнедой меринки и сивая кобылка. Ими управляли деревенские пацаны. Дорога не ахти какая, но ехать можно. Раньше лесные дороги не разбивали, как сейчас. Техники не было - все на лошадках.

Мы шли пешком и добрались до места часа за четыре. Дав лошадкам отдохнуть, ребята-возчики укатили обратно, пообещав приехать через неделю. Нас было семеро. Старшим в группе председатель назначил деда Андрея, как оказалось, заботного, знающего любое крестьянское дело человека. В колхоз он приехал с какого-то дальнего починка на границе с Костромской областью.

Дед Андрей роста среднего, русоволос, в очках, симпатичен и крепок. Был он кузнецом и хорошо владел этим ремеслом. Ковал

лошадей, мог изготовить любую вещь, необходимую в крестьянском обиходе. Не стоит говорить о других ремеслах, потому как ими владел каждый сельский житель, а учили в деревне этому с детства, а еще - житейская мудрость.

Жить нам предстояло в двух шалашах. В каждом из них могли разместиться человек по шесть. Шалаша стояли друг против друга. Верхушки каждого почти сходились, оставляя лишь небольшую щель для выхода дыма.

Боковые стенки шалашей сложены из бревнышек, рубленных в паз, положены на мох. А подогнаны так, что комар носа не подточит. Еловые слепи под крышу ошкурены от коры, гладки и прочны. Оба наших жилища были крыты еловой корой. Огнище между шалашами позволяло обходиться одним костром.

За нашими хоромами на веселой лужайке длинный стол и лавочки с той и другой стороны. Здесь мы завтракали, обедали и ужинали.

Выгрузив пожитки и разместив их в шалашах, выпили по кружке чаю, и женщины заторопились косить, как говорит пословица, лиха беда - начало". Мы с дедом Андреем остались дома. Нарубили, принесли и устлали шалаша мягкими ароматными ветками пихты, пока не было свежего сена. Повалили толстую осину и выпилили около десятка чурбачков для разных надобностей. Сидя на них, можно было посумерничать на улочке у костерка, а то и просто отдохнуть.

На один из чурбачков дед приладил наковаленку для клепки кос. Ударяя специальным молоточком по жалу косы, дед Андрей оттягивал его, и оно становилось острым как бритва. Считалось, что это самый лучший и надежный способ заточки инструмента. Дед отбивал косы рано утром, а днем косари подправляли их наждачной лопаточкой, которая у каждой женщины была с собой в специальном налопаточнике, сплетенном из березовых лычек.

Взялись мы и за дрова. Березняка, ольшаника, пронятых смолю сосновых кряжей напилели столько, что хватило бы их не на одну осеннюю ночь. А еще для всей нашей бригады мы сварили большое ведро щей из сушеного мяса и овсяной крупы-заспы. На второе приготовили гороховое пюре с крестьянским маслом. А еще - чай с сахаром. Обед приготовили на костре в специально отведенном месте (договорились, что обеды будем готовить по очереди). Женщины хорошо поработали: скосили гектара полтора, а то и больше. На плохой аппетит никто не жаловался. После обеда вскипятил я воды и перемыл всю посуду. И еще натаскал из речки воды целый бачок. Водичка-то чистойшая, свежая.

- Дай-ка сюда свою косу, - подозвал меня дед. Он повертел косу в руках, передал ее обратно, велел примерить, как на землю ляжет, и сказал: "Курок надо опустить чуток ниже. Сейчас мы это исправим да и точнем малость".

И повел меня дед на пожню Сковородку - была она совсем круглая.

- Выкосишь всю траву, высушишь, сгребешь да в стога сметаешь - с тебя и хватит, - сказал наставник. - Коси с середины пожни, от старого стожья.

Почему косить с середины, дед не сказал, но я догадался: погода переменчива, идут дожди, и траву надо сушить на самом открытом месте. Сюда же можно вынести траву из кустов, с лесных лужаек.

- Дай-ка я попробую.

Дед взял косу и прошел покос - широкий и ровный. Вжи-вжи-вжи... пела коса, подрезая у самой земли густые сочные травы.

- А как у тебя получится? - вслух сказал он и, присмотревшись, заметил:

- Дело выйдет, силенки бы еще тебе побольше. Работай, а я к бабонькам наведуясь, посмотрю, как у них дело идет.

Без перерыва я косил целый час. Потом облюбывал местечко около стожья, бросил охапку травы и присел на кочку. Вовсю палило знойное солнце. Травы разомлели и стояли неподвижно. Фиолетовые колокольчики, розовые кашки, цветущий мышинный горошек, луговая герань, гвоздика и еще множество других цветов благоухали на лугу. Нарядный махаон - большая и очень красивая бабочка, которую знал с детства, прилетел и уселся на сухую жердочку, сложив крылышки. Суетились гурьбой голубоватые мотыльки. Две стрекозы, шелестя крылышками, носились друг за дружкой, а потом опустились на вершинки былинки.

С болота по ложку тянуло сыростью и резким запахом багульника. Покосил еще часа полтора, а во время отдыха прошелся по краю пожни. Заглянул и в перелесок, там отыскал деробку, которую можно было скосить.

Вечером всей бригадой отмечали приезд, начало работы чаепитием. Заварки на лугах, в лесу, сколько угодно: листья и веточки смородины, земляничник, стебельки и листья брусники. Был у нас и сахарок. Сумел-таки председатель достать у торгового начальства, хотя со сладким было туговато. Вскоре после начала войны в магазинах не стало ни сахара, ни соли, ни спичек. Хлебушек - по карточкам. На чаепитие каждый принес свое угощение - кто чем богат. Я угостил своих новых знакомых сочными из ржаной муки с толченым картофелем, разведенным молоком и сырыми взбитыми яйцами. Со-

чень складывался гармошкой и ставился в русскую печь. Когда картофельники испеклись, мама помазала их сверху топленным маслом и посыпала толокном. Понравилась косарям и пареная брусника с сахарной свеклой.

Чаевничали долго. Беседовали о житье-бытье, рассуждали о войне, которая враз кровожадным зверем ворвалась почти в каждый дом. Толковали о колхозных делах, радуясь тому, что тучнели, набирали силу хлеба на полях, обещая добрый урожай.

- Заглянула я недавно, бабоньки, на ржаное поле, - сказала Аннушка, молодая, румяная еще женщина, - рожь-то волнами так и ходит, колышется. Слава Богу, есть чего ждать. И пшеничка хороша.

Другая колхозница, Нюрка, заметила:

- На Самсона дождь - три недели тож.

Степенная Зинаида Павловна цыкнула:

- Наворожишь тут...

И Нюрка замолчала смущенно.

С лугов, с приречных зарослей, трав и кустов тянуло ароматом цветов, смолистым запахом полной уже, зеленой листвы, медовым - иван-чая с недалекого выгорка. В эту ночь я долго не мог уснуть, ворочался с боку на бок. Вспоминал о рано умершем отце, погибшем на фронте брате Теме, думал о маме: как-то она там одна управляет с огородом, козой Майкой? Забылся, когда уже вовсю светало.

Дед Андрей и женщины ко мне были очень внимательны и даже добры. Почему-то они решили звать меня не Вадимом, а Вовкой. Наверное, потому, что имя это проще и встречается чаще. Вовка так Вовка.

Так вот, идут бабоньки на обед и заглянут ко мне на Сковородку. Как-то там пацан? Придут, похвалят, да еще каждая пройдетя с косой по лугу. По одному прокоосу да пять человек - вон сколько прибавится!

В лесу живем пять дней. Травы скосили много, а погоды нет. Каждый день около обеда или после него приползали синие тучи, проливались дождем и уходили дальше. Бывало, дождь принимался, и не один раз. И опять светило и пекло знойное июльское солнце. Сеножной да и только.

- Давайте, бабоньки, косить повременим, пока то, что подвалили, не приберем,- предложил дед Андрей.

Все согласились. Сделали себе выходной.

Вечером подошел ко мне дед и предложил прогуляться по лесочку. Направились тропинкой, которая петляла по косягору, то спуска-

ясь к речке, то уходя в сторону. Шли потихоньку и минут через двенадцать очутились на другой лесной полянке. Вокруг нее березнячок, молотые осинки, да кое-где чернели рябины. А в центре поляны стояла высокая красивая береза - прямая и стройная, с зеленой кроной.

- Смотри вверх - к вершине: видишь, в развилке двух сучков корзиночка прилажена? - спросил дед.

- Вижу.

- Гнездышко это, как чашечка-колыбелька, очень красивой птички - иволги.

А тут и сама птичка прилетела - нарядная, ярко-желтая, с черными крылышками и таким же хвостиком. Величиной с певчего дрозда или чуть больше скворца, в клювике птица держала какую-то козявку.

- Это самец иволги, - шепнул дед. Иволга прыгнула с сучка на сучок и скрылась в зелени листьев. Вскоре птаха показалась снова и, нырнув вниз, улетела.

- Садись, - показал дед на скамеечку, которой раньше я тут не видел. Когда ее дед сладил, не знаю. Впрочем, долго ли ее сделать: четыре колышка, вбитых в землю, да две перекладинки и на них - досочка, которую я видел на дороге недалеко от шалаша.

А вот прилетела и другая птица, с земли нам было видно ее желтовато-белое брюшко с пестринками.

- Наверное, у них птенцы-слетки, - заметил дед. - Спрятались в кроне. Сами отыскивают на веточках дерева и листочках каких-нибудь букашек да червячков, да и родители помогают.

С интересом наблюдая за птицами, я слушал все, что рассказывал о них дед.

- Иволги никогда не садятся на землю. С листьев и веточек деревьев и кустов собирают они различных насекомых и лишь осенью лакомятся ягодами и плодами.

А иволги прилетали на березу и улетали много раз. Наконец они уgomонились, уселись рядышком на сучок, почистили носиками перышки. Затем желтая птичка подала голос. "Фиу-лиу-лиу" - так звучала ее короткая трель, которую иволга повторила много раз. И голос ее был очарователен, многие сравнивают его с флейтой.

- Откуда вы так много знаете о птицах, о травах, вообще о природе? - спросил я деда.

- Прочитал в книгах, журналах, газетах, а кое-что и сам заприметил. Наблюдай, изучай и ты - больше меня узнаешь. Это очень интересно да и в жизни может пригодиться.

С лесных пожен, из приречных кустов доносились ароматы цветущих трав, запахи подсыхающего сена, черемушника и дикой смородины.

ны. Вечер погожий и теплый. Такие вечера и бывают в сенозарникиюль - макушку лета, когда прогретая солнцем земля не успевает остыть и ночью.

За рекой, в мелколесье пропел певчий дрозд - оливково-буроватая птица. Песенка его очень звучная, мелодичная, разнообразная и чем-то похожая на соловьиную. Рулады певчего дрозда некоторые принимают за соловьиные. "Певчий дрозд поет, словно стихи читает", - писал знаток природы Кайгородов. "Чай-пить, чай-пить, приди, приди", - выговаривал дрозд.

- Спасибо, дорогой, спасибо, засмеялся - дед.

И - опять: чай-пить, чай-пить. В кустах распевала еще какая-то птаха. Все вокруг благоухало, радовалось теплу и жизни. К тропинке, по которой мы шли, только с ее другой стороны, неслышно прискакал зайчишка. Остановился, встал на задние лапки, поводил ушами и прыгнул в траву. Зайчонок короткими прыжками перемещался по поляне, останавливался, скусывал былинки и хрумкал их. Мы не сводили с него глаз, но наблюдали и за иволгами. Вдруг одна из них, та же желтая, издала какие-то неприятные звуки, словно заплакала, застонала. А еще ее голос был похожим на вопли кошек, когда они выясняют отношения. Заяц с перепугу подпрыгнул и, отряхивая с задних лап росную сырость, выскочил на тропинку и задал стрекача. От неожиданности вздрогнул и я. Да, так иногда кричит иволга, потому и зовут ее кое-где лесной кошкой. Певчий дрозд больше не приглашал пить чай: уснул, наверное.

- Туман упал на землю, да и закат чист - ведро будет, заметил дед, когда мы подходили к шалашу.

Бригадир наш не ошибся: выдалось три погожих денька. Восью светило солнце, днем задувал ветерок, хотя к вечеру он стихал. Всю высушенную траву я поднес к стожью, и мы вместе с дедом Андреем стали укладывать сено в стог. Сначала метали оба, а когда стог стал высоким, я забрался на него по жерди и стал укладывать сено равномерно между стожарами. Стог получился большой, красивый. Хорошо поработали в эти погожие дни и женщины. Они трудились все вместе.

На следующий день я выкосил траву на Сквородке, окосил все деревки и лесные поляны, которые были поблизости. Через три дня стал метать второй стог. По тому как ночь была теплой и душной, а заря утром - багровой, чувствовалось, что погода сменится. С уборкой сена надо было спешить. Работал без отдыха. По спине текли ручейки пота, рубаха взмокла.

В верхней части пожни к болоту я отыскал под пнем курпажку с водой и часто бегал туда попить. Вода была теплой, как парное

молоко. На дне лужи виднелись ржавые хлопья, едва не переламываясь, вихлялись в воде какие-то козявки.

Низко над луговиной летали ласточки, в небе опять появились облака, которые шли с запада и на глазах становились плотнее. На обед я не пошел и сметал-таки все сено, хотя выдохся и работать больше не мог. Забрал косу, вилы и грабли и поплелся к шалашу. Одно утешало - сено, не побывавшее под дождем, было зеленым и душистым. Дождь пошел вечером. Лежа в шалаше, слушал, как барабанили по крыше крупные капли.

Ночью почувствовал я себя плохо: наверное, надсадился на работе. Болела голова, а еще "резало" живот. Голова - это от дурманящего запаха багульника. Хотя он уже отцвел, но продолжал источать пьянящий запах. Боли в животе, конечно же, оттого, что пил застойную болотную водицу. Утром на работу пойти не смог, да и к обеду не полегчало.

- Пожалуй, парень, тебе надо домой двигать, - глянув на меня, сказал дед Андрей.

- Конечно, домой, - поддержали деда женщины. - Мало ли что случится, может, и хуже будет.

Пришлось согласиться.

- Спички не забудь да возьми вот этот топоришко, - предложил дед.

Поначалу шагал я бодро. Хотя дорога и заросла высокой травой, но люди уже пробили тропинку. Я шел и глядел вокруг, прислушивался к шепоту зеленой листвы, редкому пению птиц. Сзади меня сопровождало целое полчище комаров и мошки. Дорогу торопливо перескочила рыжая белка, прыгнула на осину, винтом поднялась по дереву чуть не до вершины.

В каждом удобном местечке я останавливался и отдыхал. Присаживался то на пенечек, то на лесину, то просто на бугорок. На черничнике вспугнул выводок рябчиков. Поршки величиной с дрозда разлетелись в разные стороны, а рябуха, волоча крыло, побегала по дороге метрах в пяти от меня. Когда подходил к лесной курочке совсем близко, она отлетала и опять садилась на тропинку. Потом, когда отвела от выводка далеко, взлетела и уселась на елку в стороне от дороги.

От нашего жилья я отошел километра четыре. Шагалось тяжело, едва плелся. Впереди небо затянула огромная сине-черная туча. Она ползла, накатывалась откуда-то с востока. Уже вовсю погромыхивало. Стрелы молний, разрезая небо, нисходили вниз к земле. Гром доносился не сразу, хотя раскатистый гул стоял долго. Но гроза, дождь мне были уже не страшны. Я знал, что мне есть где укрыться от непогоды,

есть где заночевать. Торной тропинкой свернул с дороги, пересек лесной промысок и вышел к ручью. Здесь стояла юрта. Почему ее так называли - не знаю. Это лесное жилище больше походило на чум, в каких живут в тундре ненцы и другие аборигены Севера. Юрта была сооружена из длинных жердей, вбитых в землю по окружью. Жерди стояли не прямо, а наклонно. Их верхние концы сходились. Юрта была крыта еловой корой, которую заготавливали поздней весной или в перволетье. Пол в юрте - земляной, собственно, его и не было. Посередине стояла небольшая кирпичная печь с плитой. И о дровах позаботился добрый человек.

В этой хижине мог заночевать любой, кто заблудится или если случится что-нибудь непредвиденное. Часто здесь бывали охотники, сенокосники, те, кто собирали грибы или ягоды или драли березовые лыка. А кто сделал юрту, я не знаю. Много добрых людей было в те времена. Есть они и сейчас, но, думается (дай Бог ошибиться), что понятие доброты, сострадания к людям заметно утрачивается.

В юрте тепло и сухо, пахло хвоей и свежим сеном. Я все же затопил печку. Сухие березовые поленца с желтыми завитушками бересты занялись сразу, а за ними ольховые плашки.

Отдохнув, я ходил за водой на речку. В лесу сумрачно и тихо-тихо. Даже казалось, что тишина была какой-то настороженной. Поставив на плиту котелок, чтобы сварить похлебку, и чайник, я вскоре услышал чьи-то шаги. Дверца отворилась, и я увидел дядю Федора - жителя деревни Малиновки, которая находилась недалеко. Очень обрадовался этой встрече. Знал, что он охотник. Его дочь, старшеклассница Анюта, зимой жила у нас на квартире.

Дядя Федор рассказал, что он ловит кротов, что в июле у них самые ценные шкурки. Охотник достал из пестеря свежий пирог, по-деревенски - колобан, и баночку с сахаром. Мы хорошо поужинали, попили чайку и улеглись на нары. Разговорам не было конца.

- Тебя, парень, в дорогу одного не пущу, доведу до самого города, - сказал дядя Федор.

Встали мы часа в четыре. Вовсю светило солнце. Изредка пиликали, пели свои короткие песенки какие-то птахи. Туча до нас так и не дошла, а отвернула вправо и по реке подалась куда-то на юго-запад. Чувствовал я себя как будто получше, но совсем не поправился. Я шел впереди, а дядя Федор кое-где останавливался и ставил капканы на кротовых переходах через дорогу. Ловушки-поставушки маскировал дерном и травой.

Дома я сразу же лег в постель. Был у нас в Никольске фельдшер Дмитрий Иванович Попов. Его знали и уважали все от мала до велика. На работу в больницу он ходил мимо нашего дома. Когда

Дмитрий Иванович шел после обеда, мама попросила его зайти ко мне. Дмитрий Иванович осмотрел меня, измерил температуру и, сверкнув золотыми коронками зубов, сказал:

- Придется лечь в больницу. Температура повышенная, да и водичку плохую пил. Нельзя, нельзя этого делать.

В больнице пробыл дней пять. Сестричка рассказывала, что по ночам я говорил во сне. Вспоминал какого-то деда Андрея, Скородку, каких-то птичек. Пока лежал в больнице, установилась солнечная погода, дожди перестали, и я засобирался в лес.

- Не мытарься, проживем и без этого, - убеждала мать.

Нет, я и слушать ничего не хотел. Своими мыслями, воображением я давно уже был там, среди новых друзей.

- Переутомлять себя не буду, болотной воды даже не попробую, - убеждал маму. И она разрешила. На этот раз до шалаша добежал за каких-то три часа. Приняли меня как своего. Я был рад встрече.

- Вот что, Вовка, мы тут постановили поваром тебя поставить, обеды ты готовишь хорошо, - молвила самая старшая из женщин Александра Павловна.

- Спасибо, - сказал я, утирая рукавом не знаю почему навернувшиеся на глаза слезы.

Речка Поцелуй

Отходило, кончалось лучезарное бабье лето. Золото листьев. Серебристые нити паучьей пряжи на луговинах и по утрам седой иней. В такое вот уже холодноватое погожее утро добирались мы из дальней деревеньки Калинкино в Кудангу. И встретила на пути речушка - Поцелуй. Текла, струилась вода на быстринках и ворковала, как сизая лесная голубка-горлянка. Остановились, присели на мосточках. Заглянул я в курпажку и увидел на песчаном дне речушки шелковистые нити трав, снующих рыбешек-кузнечиков, которых в детстве мы звали сентябрьшками. Весной брюшко самцов сентябрьшек было расцвечено киноварью, а тупые головки усеяны малюсенькими, словно икринки, белыми пупырышками. Берестяным ковшичком-черпачком, который висел на деревце, попили мы водицы. И была она холодна, как лед, чиста и прозрачна.

К песчаной отмели-исаде, которую перегородил упавший с дерева сук, один за другим причаливали светло-желтые, багряные, пун-

цовые, лиловые листочки. Берега речушки заросли черемушником, тальником, дикой смородиной, на ветках которой чернели крупные ягоды. Кустики осоки уже порыжели, и узкие листочки никли к земле.

На рябинах оранжевые кисти ягод. Прозрачное голубое небо и тишина. Всюду признаки настоящей уже осени. И сама речка казалась задумчиво-грустной, как девушка в минуты расставания с любимым.

- А ведь так и было, - сказал мне Иван Михайлович Прахов - местный житель. - Шел суземьем по этой лесной дороге поп-батюшка, подходил к мосточкам и издали увидел, как сидят на берегу девушка и парень, обнимаются да целуются. Обошел батюшка влюбленных сторонкой, не помешал, только сказал:

- Пусть эта реченька будет Поцелуй. Поцелуй да Поцелуй - так и стало с давних пор.

Нечасто бывал я в этих чудесных местах, но каждый раз, когда проходил мимо речки, останавливался, пил водичку, присаживался на мосточки. Не только мне нравилась эта речушка, это живописное местечко. В любое время года было здесь удивительно хорошо и красиво: весной в белой кипени черемух, летом в зеленых зарослях трав и кустарников, ярких цветах, осенью - в золоте листья.

Осень

В заброшенной лесной деревеньке поля еще засевали овсом. Осенью караулили мы на них медведей. Стояли погожие и теплые дни нарядного бабьего лета с паучьей пряжей на увядающих уже травах, полыхающими кострами расцвеченных осенью деревьев. И удивительной лесной тишиной.

Из моей засидки отчетливо виднелись домики с охлупнями на крышах, островерхие стога сена, желтые космы берез.

Где-то за перелеском трубили журавли. Мне не было видно их вереницы, но долго и отчетливо доносились печальные клики птиц. И каждый из них болью отдавался в душе. Перед дальней дорогой журавли прощались с родной стороной, болотом - своим домом. Улетели птицы - и опять безмолвный покой.

В красочной картине бабьего лета мне показалось что-то родное и близкое. Да это же Левитановская «Золотая осень»! Удивительно похож пейзаж. Безлюдная деревенька. Размытая дождем проселочная дорога. Изгородь возле нее и эти позолоченные осенью

березовые перелески. Палитру картины Исаак Львович исполнил характерными тонами осени.

Философские мысли художника невольно наводили на раздумья. Голубоватое с прозрачными облачками небо, задумчиво молчаливые леса, похужшие уже травы и эта умиротворенная тишина - все говорило о том, что природа, не спеша, исподволь готовится ко сну, к своему долгому покою.

По всему чувствовалось, что очень скоро и неизбежно придет поздняя осень с ненастьем, затяжными обложными дождями, серыми хмурыми днями, как неизменно приходит к любому из нас старость...

Листву обожгут холодные утренники, и ветер-листобой догола разденет деревья, и уже не золотистый, а рыжий ковер листьев застелет землю. И, наверное, потому так тихи и задумчивы перелески, молчаливы наши птицы-домоседы, и чуточку печально и грустно на сердце.

Шильник

В тот раз покарраулить медведя на лабазе - небольшом помосте из жердей - меня пригласил знакомый деревенский охотник Александр Иванович - мужик рослый и, по всему видать, сильный, с рыжеватой бороденкой. Жил он в небольшой таежной деревушке почти на самой окраине нашего обширного района. У каждого хозяина дома было ружье, а может, и не одно, многие держали собак, которые чаще всего шли за всем, начиная с птицы и кончая сохатыми.

Каждый год мой знакомый в лесу, в глухом уголке, заседал овсом небольшое полько. На любую такую пашенку ходили не только медведи, но и другое зверье, прилетали на овес глухари, тетерева, рябчики.

Лабазы на польке Александр Иванович сладил капитально из ошкуренных гладких еловых жердей, чтобы служили они долго и надежно, и места засидки подобрал удачно, толково, с умом, в котором зверовому охотнику не откажешь.

К своему знакомому я приехал после Семенова дня, в бабье лето. Стояли дни золотой осени. Деньки выдались жаркие, хотя ночи были уже прохладными, если не сказать, холодными. На лабазы мы сели рано, часа в четыре. Казалось бы, добыть медведя на небольшой лесной кулижке просто. Но это не так. То, что звери приходят на овес рано, часто при солнце - это для охотника хорошо: обеспечен прицельный выстрел, не ночью в темноте. Но если при первых выходах зверя охота не удалась, и медведь заметит, что его пасут, он будет предельно осторожен. Стоит косолапому обойти по лесу или кустарнику пашенку вокруг, и он зачует следы охотника, который шел в укрытие. Точно так же медведь подходит к лабазу сзади, от леса и обязательно заметит охотника, как бы тот ни прятался.

Мы удобно устроились на своих засидках и отдыхали, наслаждаясь лесной тишиной, всегда загадочной и таинственной. В смешанном лесочке свистели, перекликались рябчики. Постепенно они подлетывали к овсяной кулижке. Несколько рябчиков покинули лесную чащу и сели на березку у самой пашни. Через пару минут спустились на землю и побежали в овес.

Бесшумно привела свой выводок крупных уже птенцов глухарка. И эти птицы, миновав между, скрылись в овсе. Но мы терпеливо ждали медведя. Несколько раз я слышал, как шелестела высохшая на корню трава, раздавались какие-то булькающие звуки, потрескивали сучки. Потом опять тишина. Догадывался, что звери приходили, бродили вокруг нашей пашенки, вынюхивали своими черными носами, нет ли охотников, и удалялись.

Так проходил час за часом. Смеркалось. Где-то недалеко, справа, послышалось то ли мычание, то ли приглушенный вздох. Звук этот был коротким, отрывистым. Я и раньше в осеннюю пору слышал в лесу такие голоса и догадывался, что это лось-рогач. Началась лосиная весна - время свадебных игр и поединков лесных великанов, когда самцы сходятся в единоборстве за овладение самками. В старину потому сентябрь и назывался ревун - быки-лоси на утренних и вечерних зорях ревели, трубили...

Место для гонного участка сохатый выбрал самое подходящее - открытое, с полянами и бывшими пашнями, зарастающими мелкоколесем. Быку никто не откликнулся. Минут через пять он собственной персоной заявился на нашу засеянную овсом пашенку. Лесной великан находился от меня метрах в двадцати. Сохатый был велик,

массивен, с большой не очень-то складной горбоносой головой, короткой толстой шеей, высокими и крепкими белесыми ногами. Лось прислушался и вновь разразился ревом. И только замолкло вторившее его голосу эхо, как издали донесся такой же голос. Заслышав чужака, бык встрепенулся, фыркнул и со всех ног понесся в сторону соперника. И хотя лось тотчас скрылся в лесных зарослях, отчетливо доносился топот зверя, треск сучьев, плеск разбрызгиваемой из луж воды. Вскоре послышались какие-то глухие удары, то, наверное, быки сшибались лбами, и опять трещали сучки и кусты, стоял невообразимый шум.

Однажды, встретившись с лесным быком и его гаремом в малиновском поле, где и скрыться-то от разъяренного зверя было негде, я своими глазами увидел, насколько возбуждены, агрессивны, страшны и опасны рогачи в это время. И сейчас, слыша перестук рогов, мысленно представил, как разъяренный, с налитыми кровью глазами зверь весом в не одну сотню килограммов яростно набрасывается на соперника, наносит ему удар за ударом. Чем все это кончится? - переживал я за сохатых. Очень скоро до моего слуха донесся какой-то утробный стон. И все смолкло.

Над лесной опушкой перед моими глазами бесшумно пролетела огромная сова, да резко, истошно прокричал в глубине леса филин. Напарник просигналил мне электрическим фонариком. Я помигал ему в ответ своим и осторожно, стараясь не шуметь, спустился с дерева на землю. Встретились на дороге и молча направились домой. Уже около заброшенной деревеньки Александр Иванович спросил:

- Насмотрелся на ревуна?
- Красавец, богатырь, - восторгался я.
- Красавец-то он красавец, - усмехнулся охотник. Его лица мне не было видно, но по интонации голоса охотника почувствовались какие-то неодобрительные нотки.
- Давно этого рогача даже по реву узнаю. Велик зверь, и сила у него лещацкая. Ты видел, какие у него рога?
- Нет, толком не рассмотрел - темновато уже было.
- Так вот, этот лось - убийца.
- Убийца? - переспросил я.
- Рога у него не такие, как у большинства сохатых, а оленевидной формы. «Лопата» - узкая, а отростки длинные и острые, как вилы. Таких лосей охотники «шильниками» называют. Но и это еще, наверное, не такая бы беда, если бы не волчья жестокость этого зверя, его агрессивный нрав. И еще страшен этот зверь тем, что не признает существующих в природе правил борьбы.

С соперником шильник сражается недолго. Схватятся быки, шильник ударит раз, другой лбом, боднет, прижмет к дереву или земле соперника и ... «вилы» в бок. Много лосей погубил этот убийца. И каких!.. С ним ведь сшибаются только самые сильные, здоровые самцы, а значит, и лучшие производители. Другие «недомерки» и не подходят, в кустах норовят скрыться. Боятся великана. А каковы его достоинства как производителя, не знаю.

Иногда шильник за месяц не одного лося на тот свет отправит. Наверняка и этого, с которым сегодня схватился, загубил. Убирать бы убийцу надо. От него прямой ущерб лосиному поголовью, если он уничтожает лучших производителей. У нас все охотники на него зуб имеют. Но хитер, осторожен зверь.

Накануне моей поездки встретился я со своим товарищем И.Н. Томиловым. Он только что возвратился из тех самых мест, где мы охотились на медведя. Игорь Николаевич рассказал, что вместе с А.А. Горчаковым они рыбачили на таежной речке Юрманге. И там на лесной поляне нашли мертвого лося-рогача. Туша его уже разлагалась, источая зловоние, запах мертвечины, да такой, что едва вырубил топором прекрасные рога зверя. Никаких признаков присутствия человека не видели, хотя находились там несколько дней. Земля же на поляне, где лежала туша, была ископчена крупными лосиными следами, трава примята, многие кусты сломлены. Осмотрев тушу, рыболовы обнаружили проникающие отверстия в груди зверя.

- Отчего погиб такой-то зверина в расцвете сил, мы так и не узнали, - пожал плечами Томилов.

После того, как я услышал тот рассказ деревенского охотника, многое прояснилось. Наверно, эта лесная поляна была ареной боя рогачей и, вероятно, один из них и был шильник. Иногда, и в природе случаются такие вот грустные истории. Жизнь есть жизнь, что для человека, что для зверя. Не только радостная, безоблачная, но подчас и трагичная.

Зеленый - опасный

Мы вышли на просеку и увидели на снегу четкие отпечатки круглых, как блюдце, пушистых лап рыси. След был еще талый. Рысь эта наша давняя знакомая. Который уже год жи-

вет она здесь в суземе*, возле давно заброшенного починок Места там сейчас глухие, нехоженые.

Лога и холмы-взлобки по берегам речушек Ночной и Пую черной напоминают собой таежные распадки. Угрюмые еловые чащи; бурелом; лесные завалы с исковерканными ветром деревьями; заросшие ивняком и подлеском старые пашни, где в изобилии водятся зайцы-беляки; светлые и веселые сосновые гривки по закрайкам Сокольского болота - что еще нужно нелюдимому зверю?

Наверное, оттого, что день был хмурый и сумрачный, буреломный лес казался таким же вымершим и неприятным, как тот, покинутый людьми, починок.

Но наступит вечер, взойдет полная луна, и все преобразится: на деревьях и лесных полянах заискрится снег алмазными блестками.

Выберется тогда пятнистая лесная кошка из укромного уголка и отправится на промысел. Будет бесшумно, легко и неторопко шагать по знакомым тропинкам, лесным прогалинам и буеракам.

У леса, его обитателей свои законы. Янтарные глаза рыси, как и у некоторых других хищников, в темноте излучают изумрудно-зеленый свет. И эти зеленые огоньки, фосфорический блеск раскосых глаз лесной кошки являются для мудрых зверушек таким же сигналом опасности, как тревожный пронзительный крик голубокрылой сойки, удар бобрового хвоста-лопаты по воде.

Хищно светящиеся в ночи зеленые рысьи фонари для зверьков рангом пониже - наш красный светофор. Увидел зеленый - замри, затаись зайчишка, а еще лучше - тикай, улепетьвай «без задних ног» пока не поздно. Замешкаешься на миг, оплошаешь, и станешь одним зайцем меньше в этой лесной глухомани.

Если рыси не удалось догнать жертву за несколько мощных прыжков, то она спасена. Лесная кошка долго не преследует зверьков. Вот и на этот раз хищнице не удалось сцапать зайца-беляка. Убежал косой, белым призраком исчез в зеленоватом осиннике.

Снова шагает, печатает следы по заснеженной просеке пятнистая кошка. Высокая на ногах, белесая, с мехом в черных крапинах, с темными кисточками на ушах и бакенбардами. Грациозен и красив этот зверь.

* Сузем - дальний, дремучий лес.

Содержание

Своя земля

Одержимость	4
У заветного омута	7
Ложка льняного масла	11
«Все живое похоже на живое»	13
<i>Александр Яшин</i>	
Вадиму Каплину, медвежатнику	16
Великие таинства	18
Утром, в Лаврушинском	21
Безголосые птицы	23
Журавлиная родина	25
За журавлихой	29
Белые ночи	32
Плясуны	33
Медведя мы не убили	34
На Бобришном	41
Крутились мельницы... ..	48
Живые слова живой русской речи	52

Поле на холме

У костерка на Кубенском.....	58
Поле на холме	62
Стожок	72
Кудангские встречи.....	76
Корякины	78
Береза	81
Фили, да не простофили	84
Ивунька	89
Волчье лыко	91
Где-то плачет иволга... ..	98
Речка Поцелуй	107
Осень	108
Шильник	109
Зеленый - опасный	112

Библиография произведений В. Н. Каплина

1. **Розовые березки.** СЗКИ, 1968. В соавторстве с С.А.Топорковым.
2. **Лесные встречи.** СЗКИ, 1976.
3. **Глухари поют на заре.** Вологда. Евстолий, 1999.
4. **В медвежьем царстве.** Вологда. Полиграфист, 2002.

Тиражи книжек составили 96 тысяч 500 экз.

В родных просторах: А.Я. Яшин на берегу реки Юг. Фото В.Каплина

Мама поэта,
Евдокия Григорьевна

Евдокия Григорьевна, А.Я. Яшин, Ф.В. Морозов - шофер, В.А. Оботуров

Ю.П. Власов (слева), А.В. Коржаков, М.В. Береснева.
Крайний справа В.Н. Каплин, предприниматель В.Н. Корепин.
Бобришный угор. 1999 г.

Детство

Лесная кошка (рысь)

Турухтаны. Фото В.Деревцова

Родные просторы

Светлы и красивы белокорые березовые рощицы в любое время года

Дом в деревне Блудново, в котором родился А.Яшин

«Пернатая кошка» (ушастая сова)